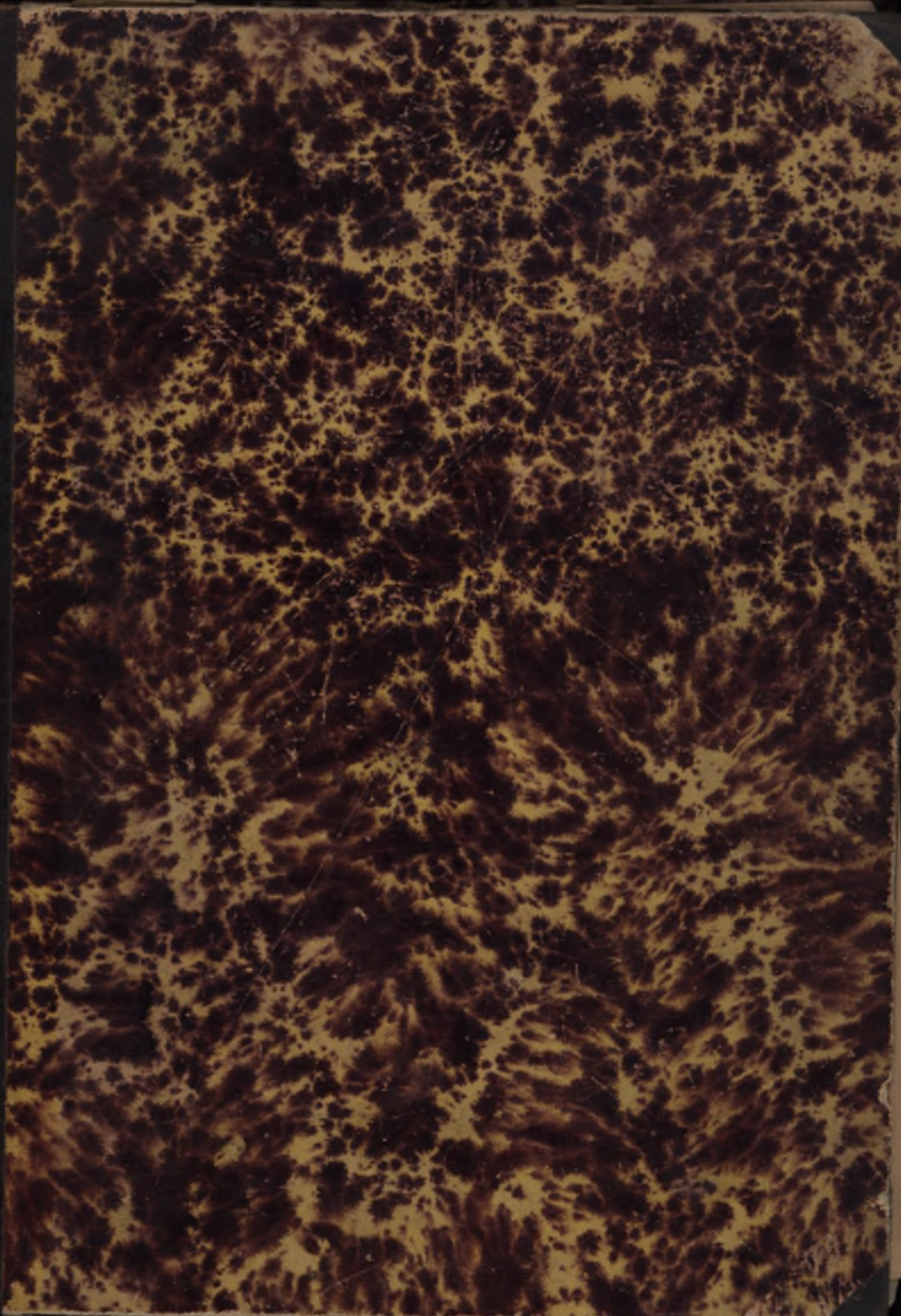

1850

A 1123

DAR

W.P. Magistratu w. Łodzi
po szkoleniu s. red. 1844 r.

Dla Biblioteki Publicznej

w Łodzi

16. IV - 19.

89

Город

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

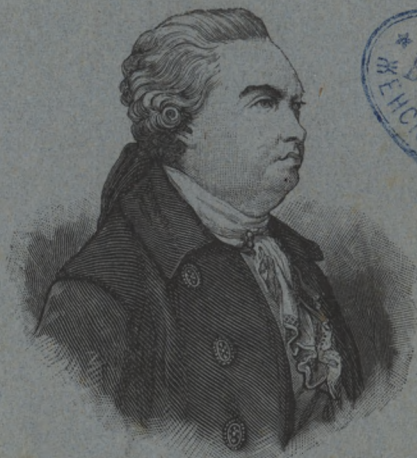
ВЫПУСКЪ VII-й.

Д. И. Фонъ-Визинъ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Недоросль.—Бригадиръ.—Чистосердечныя признанія.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

I. Glazunov

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1892.

Г-жа Простакова.—«Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько... Экое скотское разсужденіе».

(Дѣйствіе I, явленіе II).

А 1123

РУССКАЯ КЛАСНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ VII-й.

Д. И. Фонъ-Визинъ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Недоросль.—Бригадиръ.—Чистосердечныя признанія.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1892.

098284

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Февраля 1892 г.

Предисловіе.

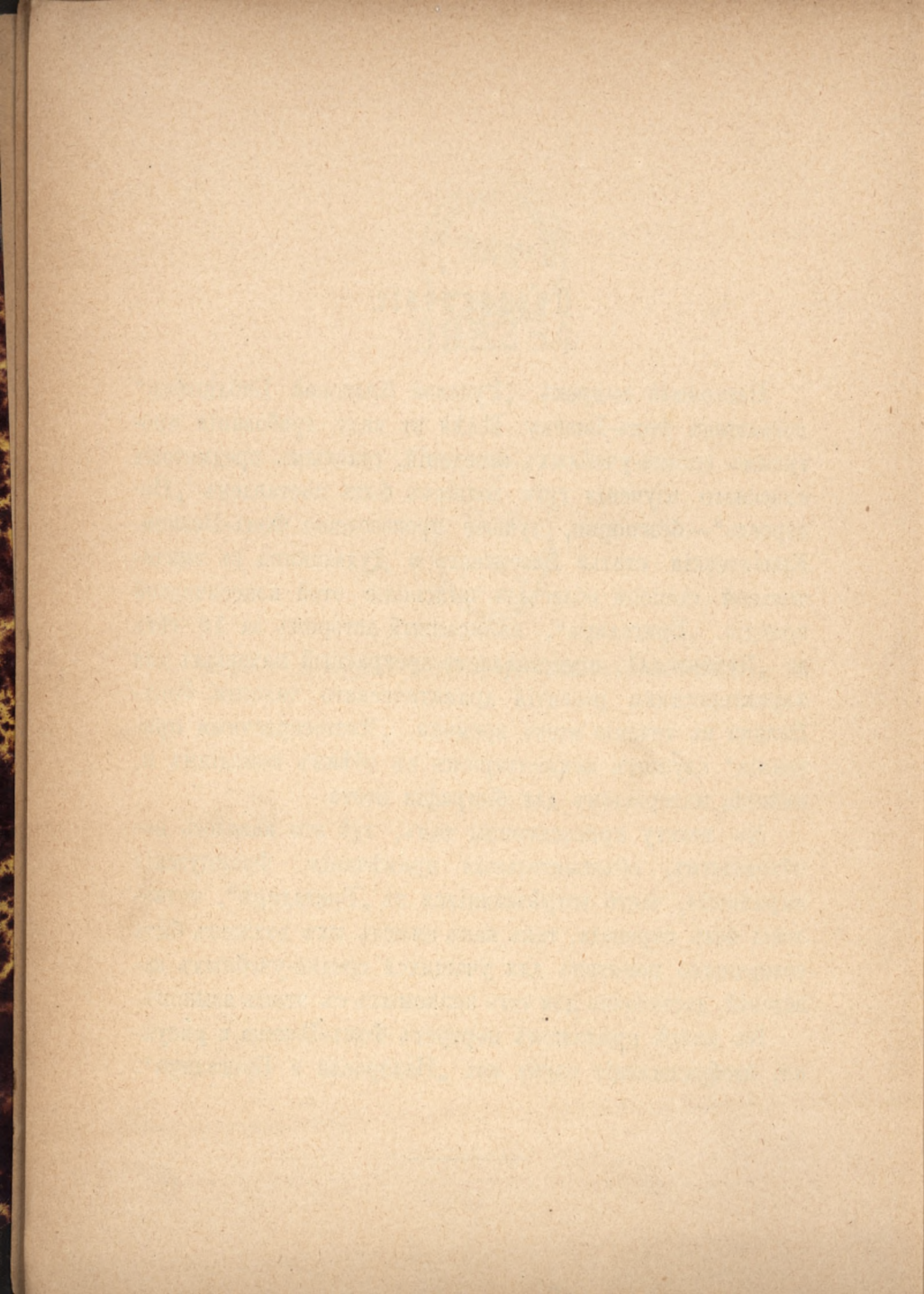

Настоящій выпускъ „Русской Классной Библіотеки“ посвященъ Фонъ-Визину. Имѣя въ виду требованія программъ средне-учебныхъ заведеній, главнымъ предметомъ класснаго изученія тутъ долженъ быть поставленъ „Недоросль“—безспорно, лучшее произведеніе Фонъ-Визина. Критическія статьи Вяземскаго и Дудышкина въ значительной степени облегчатъ выясненіе этой классической комедіи. „Бригадиръ“, написанный авторомъ за 16 лѣтъ до „Недоросля“, представляетъ прекрасный матеріалъ для характеристики развитія драматическаго таланта Фонъ-Визина въ теченіе этого времени. „Чистосердечныя признанія“ служатъ комментариемъ къ обѣмъ комедіямъ и, вмѣстѣ, матеріаломъ для біографіи поэта.

Къ тексту присоединены тамъ, гдѣ это казалось необходимымъ, объяснительныя примѣчанія. Французскія выраженія, часто встрѣчающіяся въ „Бригадирѣ“, оставлены безъ перевода, такъ какъ смыслъ ихъ долженъ быть совершенно понятенъ для учащихся средне-учебныхъ заведеній, достаточно для того знакомыхъ съ этимъ языкомъ.

Къ книгѣ приложенъ портретъ Фонъ-Визина и рисунокъ, изображающіе сцену изъ „Недоросля и Бригадира“.

НЕДОРОСЛЬ¹⁾.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Простаковъ.	Г. Скотининъ, братъ г-жи Простаковой.
Г-жа Простакова, жена его.	Кутейкинъ, семинаристъ.
Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.	Цыфиркинъ, отставной сержантъ.
Еремѣвна, мама Митрофанова.	Вральманъ, учитель.
Правдинъ.	Тришка, портной.
Стародумъ.	Слуга Простакова.
Софья, племянница Стародума.	Камердинеръ Стародума.
Милонъ.	

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣвна.

Г-жа Простакова, (*осматривая кафтанъ на Митрофанъ*). Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣвна, введи сюда мещеника Тришку. (*Еремѣвна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его обузиль. Митрофанушка, другъ мой! я, чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (*Митрофанъ отходитъ*).

¹⁾ Со временъ Петра I, „недорослемъ“ называли дворянскихъ дѣтей которыя, не учась ничему и не служа, жили въ родительскомъ домѣ безъ дѣла. Такихъ дворянъ предписывалось немедленно опредѣлять на службу, а не имѣвшимъ свидѣтельства о томъ, что они обучались наукамъ, не позволялось вступать въ бракъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

Г-жа Простакова, Еремьевна, Тришка.

Г-жа Простакова (*Тришка*). А ты, скоть, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустиль шире. Дптя, первое, растеть; другое, дптя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну, да изволите отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть шить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и спорить! Портной учился у другого, другой у третьяго; да первоеть¹⁾ портной у кого учился? Говори, скоть.

Тришка. Да первоеть портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (*вбѣгал*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же, вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожидла съ твоимъ потворствомъ! Какова смну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ Тришка шить изволилъ?

---

¹⁾ Народное выраженіе: первый-то.

Простаковъ (*отъ робости запинаясь*): Мѣ... мѣшковать немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковать, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои, ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградила меня Господь: не смыслить самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ, и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Кого? За что? Въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза поплюю. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковать ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанище, братъ, спшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова (*Тришкъ*). Выйди вонъ, скотъ. (*Еремьевна*) Поди жъ, Еремьевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь я, чаю, скоро и учителя прійдутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! Изволь смотрѣть!

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я, вѣдь, сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковаль до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что? Солонины ломтика три, да подовыхъ ¹⁾, не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкупать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ (*въ сторону*). Ну! бѣда моя! Сонъ въ руку!

Митрофанъ (*разньжась*). Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова (*съ досадою*). Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе!

---

¹⁾ Жареные пироги.

Скотининъ. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него виѣ себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ, что-то нахмурается.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. (*Митрофанъ съ Еремьевною отходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ. Что жъ я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Вечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ. (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой, какъ съ сущою сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова (*показываетъ, будто креститъ сердце*). Съ нами сила крестная!

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то

мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты такъ сегодня разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюпкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не чело-битчикъ ¹⁾. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ; а всякій убытокъ чѣмъ за нимъ ходить, сдору съ своихъ же крестьянъ,—такъ и концы въ воду.

Простаковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говорить, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Простакова. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скотининъ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ. И не деревеньки; а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего, братецъ?

Скотининъ. Люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной,

---

¹⁾ Бить челомъ, т. е. кланяться—старое юридическое выраженіе, означавшее: жаловаться въ судъ на кого-либо; отсюда челобитчикъ—истецъ.

котора, ставъ на задни ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

Простаковъ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю— и онъ до свиней съизмала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ, бывало, увидя свинью, задрожитъ отъ радости.

Скотининъ. Это, подлинно, диковинка! Ну, пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое нибудь сходство; да отчего же я къ свиньямъ такъ сильно пристрастился?

Простаковъ. И тутъ есть же какое нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Софья.

(Софья вошла, держа письмо съ рукъ и имья веселый видъ).

Г-жа Простакова *(Софья)*. Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа Простакова *(испулавшись, съ злобою)*. Какъ, Стародумъ, твой дядюшка, живъ? И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Софья. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Простакова. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человекъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ. Сестра! Ну, да коли не умиралъ?

Простаковъ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ.

Г-жа Простакова (*къ мужу*). Какъ не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памяткахъ за упокой поминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили? (*Къ Софьѣ*) Письмецо ты мнѣ пожалуй (*почти вырываетъ*). Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное, и догадываюсь, отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь! Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. Прочтите его сами, сударыня: вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня! я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. (*Къ мужу*) Читай.

Простаковъ (*домо смотря*). Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

Скотининъ. Я? Я и отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Простакова. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ: ему велю...

Скотининъ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка братецъ! ужъ года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троицъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова—Кутейкинъ. Арихметикъ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ

города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ—Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно — лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ напъ же Ѳомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребенка не неволить. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота ¹⁾ его и поиѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ! Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотритка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! Да вотъ пожаловалъ кетати дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Правдинъ.

Г-жа Простакова. Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогаго гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство.

Скотининъ. Хорошо, государь мой; а° какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Правдинъ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скотининъ. Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки?

Правдинъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ ²⁾.

Скотининъ. А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

¹⁾ „Пота“—старинное выраженіе: до тѣхъ поръ.

²⁾ Административное дѣленіе Россіи при Екатеринѣ II, соответствуетъ нынѣшней губерніи.

Г-жа Простакова. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. (*Къ Правдину*) Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвцу. Она изволить получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки ишуть. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Правдинъ. Извините меня, сударыня, я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Правдинъ. Если вы приказываете (*читаетъ*):

„Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ своими ближними; а дальность лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что трудами и честностію состояніе свое сдѣлать можно. Сими средствами, съ помощію счастья, нажилъ я десять тысячъ рублей доходу...“

Скотининъ и оба Простаковы. Десять тысячъ!

Правдинъ (*читаетъ*). „Которымъ тебя, моя любезная племянница, тебя дѣлаю наслѣдницею...“

Г-жа Простакова. Тебя наслѣдницею!

Простаковъ. Софью наслѣдницею!

Скотининъ. Ее наслѣдницею!

} *Вмѣстѣ.*

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать Софью*). Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я виѣ себя отъ радости! Теперь тебѣ надобень женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранить, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ (*протянувъ руку*) Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Постой, братецъ, сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выйти?

Скотининъ. Какъ! Что за вопросъ! Неужто ты ее докладываться станешь?

Правдинъ. Позволите ли письмо дочитать?

Скотининъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Простакова (*къ Софьѣ*). Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобой поговорить (*увела Софью*).

Скотининъ. Ба! Такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, Слуга.

Слуга (*къ Простакову, запыхавшись*). Баринъ! баринъ! Солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну! разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. Чего вы испугались?

Простаковъ. Ахъ ты, отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Правдинъ. Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно. (*Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ*).

Скотининъ. Всѣ меня одного оставили. Пойти-было прогуляться на скотный дворъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Правдинъ, Милонъ.

Милонъ. Какъ я радъ, мой любезный другъ, что нечаянно увидишься съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ...

Правдинъ. Какъ другъ, открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ здѣшнемъ на-

мѣстничествѣ; имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ; а при томъ, изъ собственнаго подвига сердца моего, не оставляю замѣчать тѣхъ злонаправныхъ невѣжъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему челоуѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ челоуѣколюбивые виды вышней власти! Мы въ напемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи ¹⁾, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно. Я живу здѣсь уже три дня. Нашелъ помѣщика дурака безсчетнаго, а жену—презлую фурию, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго ихъ дома. Ты что задумался, мой другъ? Скажи мнѣ, долго ль здѣсь останешься?

Милонъ. Черезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

Правдинъ. Что такъ скоро? Отдохни.

Милонъ. Не могу. Мнѣ велѣно и солдатъ вести безъ замедленія... да сверхъ того, я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ. Чтѣ причиною?

Милонъ. Открою тебѣ тайну сердца моего, любезный другъ. Я влюбленъ и имѣю счастье быть любимъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ той, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и, что еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто, приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестью; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что по смерти ея матери, какая-то дальняя родня увезла ее въ свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Можетъ быть, она теперь въ рукахъ какихъ-нибудь корыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я вѣѣ себя!

---

¹⁾ „Учрежденіе для управленія губерніей“—законодательный актъ Императрицы Екатерины II.

Правдинъ. Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутся мѣры.

Милонъ. Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи?

Правдинъ. Позволь мнѣ спросить объ ея имени.

Милонъ (*въ восторгъ*). А! Вотъ она сама.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Софья.

Софья. Милонъ! Тебя ли я вижу?

Правдинъ. Какое счастье!

Милонъ. Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья, скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Бесовѣстные мои свойственники...

Правдинъ. Мой другъ! не спрашивай о томъ, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь отъ меня, какія грубости...

Милонъ. Недостойные люди!

Софья. Сегодня однакожь въ первый разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковою до самой низости, и я по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочить меня въ невѣсты своему сыну.

Милонъ (*съ нетерпѣніемъ*). И ты не изъявила ей тотъ же часъ совершеннаго презрѣнія?

Софья. Нѣтъ...

Милонъ. И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что...

Софья. Нѣтъ.

Милонъ. А! теперь вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ, можетъ быть, разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ, но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ...

Софья (*усмѣхаясь*). Боже мой! Еслибъ ты его увидѣлъ, ревность твоя довела бы тебя до крайности!

Милонъ (*съ негодованіемъ*). Я воображаю всѣ его достоинства!

Софья. Всѣхъ и вообразить не можешь. Онъ хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдетъ.

Правдинъ. Какъ, далѣ не пойдетъ, сударыня? Онъ доучиваетъ Часословъ; а тамъ думать надобно, примутся и за Псалтырь.

Милонъ. Такъ таковъ-то мой соперникъ! А! любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, какъ легко страстный человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи жъ мнѣ, что ты ей отвѣчала? (*Здѣсь Скотининъ идетъ по театру задумавшись, и никто его не видитъ*).

Софья. Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда приѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго (*къ Правдину*) не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ. Скотининъ!

Скотининъ. Я!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Скотининъ.

Правдинъ. Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ! Этого бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ. Я проходилъ мимо васъ. Услышалъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ—Скотининъ! а я ему: я! Что вы, братцы, и за правду? Я самъ служивалъ въ гвардіи и отставленъ капраломъ.

Бывало, на стѣзжей въ перекличкѣ какъ закричатъ: Тарастъ Скотининъ! а я во все горло: я!

Правдинъ. Мы васъ теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотининъ. Я никуда не шелъ; а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, какъ что заберу въ голову, того изъ нея гвоздемъ не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ, какъ на яву, а на яву, какъ во снѣ.

Правдинъ. Что жъ бы васъ такъ теперь занимало?

Скотининъ. Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечный, со мною чудеса творятся. Сестрица моя вызвала меня скоро-на-скоро изъ моей деревни въ свою, а коли также проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ, по чистой совѣсти, сказать: ѣздилъ я ши пошто, привезъ ничего.

Правдинъ. Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица вапа прагаетъ вамъ, какъ мячикомъ.

Скотининъ (*озлобясь*). Какъ мячикомъ? Оборони Богъ! Да я и самъ запырну ее такъ, что цѣлюю деревней въ недѣлю не отыщутъ.

Софья. Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ. Что съ вами едѣлалось?

Скотининъ. Самъ ты, умный человѣкъ, поразсуди: привезла меня сестра сюда жениться, теперь сама же подѣхала съ отводомъ: „Что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя, братецъ, хорошая свинья“. Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ. Миѣ и самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица вапа помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ. Эка притча! Я другому не помѣха. Всякій женись на своей невѣстѣ. Я чужую не трону, и мою чужой не тронъ же. (*Софья*) Ты не бойсь, душенька: тебя у меня никто не перебѣтъ.

Софья. Это что значить! Вотъ еще новое!

Милонъ (*вскричалъ*). Какая дерзость!

Скотининъ (*къ Софьѣ*). Чего жъ ты испугалась?

Правдинъ (*къ Милону*). Какъ ты можешь сердиться на Скотинина.

Софья (*Скотинину*). Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ. Я насилу могу удержаться!

Скотининъ. Суженаго конемъ не объѣдешь, душенька! Тебѣ на твое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною припѣваючи. Десять тысячъ твоего доходу! Эко счастье привалило! Да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ-де околоткѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ. Когда же у васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ. Худой покой! Ба! ба! ба! Да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нея одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечный, коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлѣвокъ особый, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ. Какое скотское сравненіе!

Правдинъ (*Скотинину*). Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ напрямки: сестрица ваша прочить ее за сына своего.

Скотининъ (*озлобясь*). Какъ! племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрѣчѣ какъ чорта изломаю! Ну, будь я свиной сынъ, если я не буду ся мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же Еремѣевна и Митрофанъ.

Еремѣевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофанъ. Ну, еще слово молви, стара хрычевка, ужъ

я те отдѣлаю! Я опять нажалуюсь матушкѣ: такъ она тебѣ изволить дать задачу по вчерашнему.

Скотининъ. Подойди сюда, дружочекъ.

Еремѣвна. Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ. Здорово, дядюшка! Что ты такъ оцетиниться изволилъ?

Скотининъ. Митрофанъ! гляди на меня прямѣе.

Еремѣвна. Погляди, батюшка.

Митрофанъ (*Еремѣвнѣ*). Да дядюшка, что за невидальщина? Что ты на немъ увидишь?

Скотининъ. Еще разъ: гляди на меня прямѣе!

Еремѣвна. Да не гнѣви дядюшку. Вонъ, изволь посмотришь, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь такъ же вытаращить. (*Скотининъ и Митрофанъ, выпуча глаза, другъ на друга смотрятъ*).

Милонъ. Вотъ изрядное объясненіе!

Правдинъ. Чѣмъ-то оно кончится?

Скотининъ. Митрофанъ! ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ; да не хочу губить души, не найдя виноватаго.

Еремѣвна (*задрожала*). Ахъ, уходитъ онъ его! Куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ. Что ты, дядюшка? бѣлены обѣлся! Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинутъ изволилъ.

Скотининъ. Смотри жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одного разу не выпибу изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ: виновать Богу и государю. Смотри, не клепи жъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

Еремѣвна. Избави Богъ напраслины!

Скотининъ. Хочешь ли ты жениться!

Митрофанъ (*разныжась*). Ужъ давно, дядюшка, беретъ охота...

Скотининъ (*бросаясь на Митрофана*). Ахъ, ты чушка проклятая!...

Правдинъ (*не допуская Скотинина*). Господинъ Скотининъ! рукавъ воли не давай.

Митрофанъ. Мамушка! заслони меня!

Еремѣевна (*заслоня Митрофана, остервенясь и поднявъ кулаки*). Издохну на мѣстѣ, а дитя не выдамъ. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бѣльми-то выцарапаю.

Скотининъ (*задрожавъ и грозя, отходитъ*). Я васъ доѣду!

Еремѣевна (*задрожавъ, въ слѣдъ*). У меня и свои зацѣпы остры!

Митрофанъ (*въ слѣдъ Скотинину*). Убирайся, дядюшка; проваливай.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова (*мужу, идучи*). Тутъ перевернуть пещего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь, развѣся уши.

Простаковъ. Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сшибъ да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Г-жа Простакова (*къ Милону*). А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ: мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, низжайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣваль. Отъ роду никого угостить не смыслить. Ужъ такъ рохлаю родился, мой батюшка.

Милонъ. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находить такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопанный. Ужъ чего-то я съ нимъ ни дѣлала; чего только онъ у меня ни вытерпѣлъ! Ни-

чѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то запесеть, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдинъ. По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его правъ. Онъ смиренъ...

Г-жа Простакова. Какъ теленокъ, мой батюшка; оттого-то у насъ въ домѣ и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобъ все въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

Правдинъ (*въ сторону*). Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ. И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопами.

Г-жа Простакова (*къ Софьѣ*). Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много слышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой-де прѣразумный, да коли-де ужъ кого и полюбить, такъ прямо полюбить.

Правдинъ. А кого не возлюбить, тотъ дурной человекъ. (*Софьѣ*) Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отъ роду языкъ его не говорилъ да, когда душа его чувствовала нѣтъ.

Софья. За то и счастье свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты? (*Софья отходитъ*).

Г-жа Простакова (*Простакову*). Опять зазѣвался, мой батюшка. Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ (*отходя*). Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова (*къ гостямъ*). Одна моя забота, одна моя отрада—Митрофанушка. Мой вѣкъ проходить. Его готовлю въ люди. (*Здѣсь появляются Кутейкинъ съ Часословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифельмъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремьевну, входитъ ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ*).

Г-жа Простакова (*не видя ихъ, продолжаетъ*). Авось-либо Господь милостивъ и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается.

Г-жа Простакова. А! это, батюшка, Митрофанушкины учителя: Сидорычъ Кутейкинъ...

Еремьевна. И Пафнутьичъ Цыфиркинъ.

Митрофанъ (*съ стороны*). Пострѣлъ ихъ поberi и съ Еремьевной!

Кутейкинъ. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

Милонъ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. Былъ гарнизонный, ваше благородіе, а нынѣ пошелъ въ чистую ¹⁾.

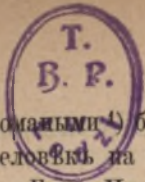
Милонъ. Чѣмъ же питаешься?

Цыфиркинъ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслить, меня принимаетъ то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь, праздно жить не люблю. На досугѣ же ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ

---

¹⁾ Т. е. въ полную отставку, безъ возврата на службу.

домашнимъ бьемся, да что-то плохо кленется. Ну и то правда, человекъ на человекъ не приходитъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты это, Пафнutyичъ, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркинъ. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ инога пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что другой ловить на полетѣ.

Правдинъ (*Кутейкину*). А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ ученыхъ, ваше благородіе. Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до реторики ²⁾, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: „Такой-то-де семинаристъ, изъ церковничихъ дѣтей, убоялся бездны премудрости, просить отъ нея объ увольненіи“. На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: „Такого-то-де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть — не мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его ногами“.

Г-жа Простакова. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремѣвна. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ. Пустое, Еремѣвна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Правдинъ (*въ сторону*). Кутейкинъ еще и умничаеть!

Кутейкинъ. Во многихъ книгахъ разрѣшается: во Псалтырѣ именно напечатано: „И злакъ на службу человекомъ“.

Правдинъ. Ну, а еще гдѣ?

Кутейкинъ. И въ другой Псалтырѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленькая въ осмьмушку, и въ той то же.

¹⁾ Т. е. надъ дробями.

²⁾ Три послѣдовательные курса семинарій назывались: грамматика, реторика и философія. Кутейкинъ, очевидно, не дошелъ до 2 курса, оставившись на первомъ.

Правдинъ (*и-жь Простаковой*). Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

Милонъ. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда жъ вы, государи мои?...

Правдинъ. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не выдавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. А кушать гдѣ изволите: съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только-что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ. Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бѣ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Что, что такое?

Митрофанъ. Да, того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за Часословъ. Нѣтъ, такъ я, спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну — такъ поминай какъ звали!

Г-жа Простакова (*внѣ себя*). Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть-было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Простакова (*съ злобу*). Ну...

Еремьевна. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться...

Г-жа Простакова. Ну...

Еремьевна. Дитя не потаилъ: ужъ давно-де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Г-жа Простакова (*дрожа*). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилашь братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремьевна. Приняла-было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Еремьевна. Ахъ, Создатель спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то бѣ я съ нимъ поломалась, во что бѣ Богъ ни поставилъ: притушились бы эти (*указывая на ноги*), я бѣ и кляквоу беречь не стала.

Г-жа Простакова. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ...

Еремьевна (*заплакавъ*). Я не усердна вамъ, матушка! Ужъ какъ больше служить, не знаешь.. рада не токмо что... живота не жалѣешь... а все не угодно.

Кутейкинъ. Намъ во свояси повелите?

Цыфиркинъ. Намъ куда походить, ваше } *Вмѣстѣ.*
благородіе?

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая вѣдьма, и разре-вѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тот-часъ опять сюда. (*Къ Митрофану*) Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ. (*Къ Еремьевнѣ*) Съ братцемъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что мама и что мать родная! (*отходитъ съ Митрофаномъ*).

Кутейкинъ. Житье твое, Еремѣвна, яко тѣма кромѣшная. Пойдежь-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

Цыфиркинъ. А тамъ другую,—вотъ-те и умноженъе.

Еремѣвна (*съ слезахъ*). Нелегкая меня не прибереть. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та же...

Кутейкинъ. А велика ль благодѣтельница?

Еремѣвна. По пяти рублей на годъ, да по пяти пощочинъ на день (*Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки*).

Цыфиркинъ. Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ доходу въ круглый годъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе.

Стародумъ. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Правдинъ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стародумъ. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаясь чины,—перестаетъ искренность.

Правдинъ. Ваше обхожденіе...

Стародумъ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нонче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Правдинъ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стародумъ. Въ тогдaшнемъ вѣкѣ придворныя были воины, да воины не были придворныя. Воспитаніе дано мнѣ было отцемъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ. Тогдaшнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу,—и будешь человекъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человекѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (*Съ чувствомъ*) Невѣжда безъ души — звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ припелъ я освободить...

Правдинъ. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стародумъ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило—въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Правдинъ. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ. Какимъ же образомъ? Провисествія съ человекомъ вашихъ качествъ никому равнодушной быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если расскажете...

Стародумъ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи наплись меня умнѣе. Вопедъ

въ военную службу, познакомился я съ молодымъ графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца ¹⁾, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и имѣлъ особенный случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я все силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. „Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода“. Вдругъ мой графъ сильно наморщился и, обнявъ меня сухо: „Счастливымъ тебѣ путь“, сказалъ мнѣ, „а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мной разстаться“. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту жъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правдинъ. Суцая истина.

Стародумъ. Оставляя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моею, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я,—я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжелой болѣзни! Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правдинъ. Чтожъ бы иное и дѣлать надлежало?

---

¹⁾ Т. е. челоѣка, имѣвшаго *случай* выдвинуться изъ ряда другихъ и обратить на себя вниманіе высшаго начальства.

Стародумъ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрапиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану.

Правдинъ. Но развѣ дворянину не позволено взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стародумъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародумъ. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Правдинъ. Куда же?

Стародумъ. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Правдинъ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

Правдинъ. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стародумъ. А такова-то просторна, что двое, встрѣтаясь, разойтись не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ.

Правдинъ. Такъ поэтому тутъ самолюбіе...

Стародумъ. Тутъ не самолюбіе, а, такъ сказать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отменно, о себѣ одномъ пекутся, объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдинъ. Но тѣ достойные люди, которые у двора служатъ государству....

Стародумъ. О! тѣ не составляютъ двора для того, что они двору полезны, а прочіе для того, что дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правдинъ. Васъ, конечно, у двора не узнали?

Стародумъ. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили жъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Правдинъ. Какихъ?

Стародумъ. Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другого; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ. И такъ, вы отошли отъ двора ни съ чѣмъ? (*Открываетъ свою табакерку*).

Стародумъ (*беретъ у Правдина табакъ*). Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублей. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой домой пришелъ ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублей цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Правдинъ. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ двора, а къ двору призывать надобно.

Стародумъ. Призывать? А зачѣмъ?

Правдинъ. За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ. Мой другъ, ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно; тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Софья.

Софья (*къ Правдину*). Силь моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ (*въ сторону*). Вотъ черты лица ея матери!
Вотъ моя Софья!

Софья (*смотря на Стародума*). Боже мой, онъ меня назвалъ! Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ (*обнявъ ее*). Нѣтъ! Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросаясь въ его объятія*). Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Стародумъ. Любезная Софья! Я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собою довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Правдинъ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. Дядюшка! ваши ко мнѣ милости...

Стародумъ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія—твое счастье. Пошедь въ отставку, положили я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоею матерью и съ тобою.

Софья. Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Стародумъ (*къ Правдину*). Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ. Вы могли бы обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ. А на что?

Правдинъ. Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Стародумъ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой, все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. Дядюшка, какую правду вы говорите!

Стародумъ. Я нажилъ столько, чтобъ при моемъ заму- жествѣ не останавлиала насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ. Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

Стародумъ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся; а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золоти- хыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головою. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги—не наличныя достоинства. Золотой болванъ —все болванъ.

Правдинъ. Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги пер- рѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку—душевное; а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ. Заключение ваше неоспоримо.

Стародумъ. Ба! Это что за шумъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, г-жа Простакова, Скотининъ и Милонъ.

(Милонъ разнимаетъ г-жу Простакову съ Скотининымъ).

Г-жа Простакова. Пусти! пусти, бабюшка! Дай мнѣ рожн, до рожн...

Милонъ. Не пушу, сударыня. Не прогибъвайся!

Скотининъ (*въ запальчивости, оправляя парикъ*). Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки, погну, такъ затрещишь.

Милонъ (*г-жа Простаковой*). И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай додраться!

Милонъ (*Скотинину*). Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. Что грѣха таять, одного помѣту! Да вишь какъ развизжалась.

Стародумъ (*не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину*). Я боялся разсердиться, теперь смѣхъ меня беретъ.

Г-жа Простакова. Кого-то? Надъ кѣмъ-то? Это что за выѣзжій?

Стародумъ. Не прогибъвайся, сударыня, я отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ (*держась за шею*). Кому смѣхъ, а мнѣ и полемѣха нѣтъ.

Милонъ. Да не ушибла-ль она васъ?

Скотининъ. Передъ-отъ заслонялъ обѣими, такъ выѣпилась въ зашенну...

Правдинъ. И больно?

Скотининъ. Загривокъ немного пронозила.

(*Въ слѣдующую рѣчь г-жи Простаковой, Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ нимъ Стародумъ. Милонъ ее понимаетъ*).

Г-жа Простакова. Пронозила!... Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ выжнять господина офицера: а кабы не онъ, то бѣ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь; не сиучу родному (*Стародуму*). Это, сударь, ничего и не смѣшно, не прогибъвайся. У меня материнно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому, невѣдомо кто.

Стародумъ (*указывая на Софью*). Приѣхалъ къ ней ея дядя, Стародумъ.

Г-жа Простакова, (*обробльз и струся*). Какъ! это ты! ты, батюшка! гость нашъ безцѣнный! Ахъ, я дура безсчетная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца роднаго, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ, какъ порошокъ въ глазу! Батюшка, прости меня: я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхаль! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

Скотининъ (*съ сторону*). Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Еремѣевна.

Еремѣевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты развѣ дѣвка? собачья ты дочь! Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ?

Еремѣевна. Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Г-жа Простакова. Лежить! Ахъ, она бестія! Лежить! Какъ будто она благородная!

Еремѣевна. Такой жаръ рознялъ, матушка; безъ умолку бредить...

Г-жа Простакова. Бредить, бестія! Какъ будто благородная! Зови же ты мужа, сына! Скажи имъ, что по милости Божіей дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй нашъ родитель къ намъ теперь пожаловалъ по милости Божіей. Ну, бѣги, переваливайся!

Стародумъ. Къ чему такъ суетиться, сударыня! По милости Божіей, я вашъ не родитель; по милости же Божіей, я вамъ незнакомъ.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой пріѣздъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодарѣтель нашъ!

ЯВЛЕНИЕ V.

Тъ же, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣвна.

(Въ слѣдующую рѣчь Стародума Простаковъ съ сыномъ, вышедшій изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремѣвна взяла мѣсто къ сторонѣ и, сложя руки, стала какъ вкопанная, выпялила глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ).

Стародумъ (обнимая неохотно г-жу Простакову). Милость совѣтъ лишняя, сударыня; безъ нея могъ бы я весьма легко обойтись.

(Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, идъ Скотининъ, стоящій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ).

Стародумъ. Это кому я попался?

Скотининъ. Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ (увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ). А это кто еще?

Простаковъ (обнимая). Я женинъ мужъ.

Митрофанъ (ловя руку). А я матушкинъ }
сыннокъ. } *Вмѣстѣ.*

Милонъ (Правдину). Теперь я не представляюсь.

Правдинъ (Милону). Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ (не давая руки Митрофану). Этотъ ловитъ цаловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка: какъ-де, сударь, мнѣ твоей ручки не цаловать! ты мой второй отецъ!

Митрофанъ. Какъ не цаловать, дядюшка, твоей ручки! ты мой отецъ... (Къ матери) Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофанъ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ. Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вѣдь ребенокъ, можетъ

быть, свое счастье прорекаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ, быть ему и впрямъ твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. (*Къ Стародуму*) Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранилась. У меня такой нравъ: хотъ разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня, бѣдную, обижаетъ.

Стародумъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ. А я уже три дни свидѣтелемъ ея добродравія.

Стародумъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, за что такой гнѣвъ? Простаковъ. За что немилость?

Г-жа Простакова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ. А я уже тутъ сгибъ да пропаль.

Стародумъ. Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобы сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человекъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Г-жа Простакова. Ахъ! уморилъ!

Милонъ. Что я слышу!

(*Софья кажется пораженной*).

Скотининъ. Вотъ-те разъ!

(*Простаковъ всплеснулъ руками*).

Митрофанъ. Вотъ тебѣ на!

(*Еремѣвна печально кивнула головою*).

Правдинъ показываетъ видъ огорченного удивленія).

Всѣ

вмѣстѣ.

Стародумъ (*примѣтя всѣхъ смятеніе*). Что это значить? (*Къ Софью*). Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Неужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Они нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери; а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой: твой мужъ, тебя достойный, кто бѣ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди, за кого хочешь. (*Всѣ принимаютъ веселый видъ*).

Софья. Дядюшка, не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ (*съ стороны*). Почтенный человѣкъ!

Г-жа Простакова (*съ веселымъ видомъ*). Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди, за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ее стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ малый молодой...

Скотининъ. Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ...

Г-жа Простакова. У кого достаточекъ хоть и небольшой...

Скотининъ. Да свиной заводъ не плохъ...

Г-жа Простакова. Такъ и въ добрый часъ, въ архангельской.

Скотининъ. Такъ веселымъ пиркомъ, да и } *Вмѣстѣ.*
за свадьбу.

Стародумъ. Совѣты ваши безиррациональны. Я это вижу.

Скотининъ. То ль еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче? Вишь ты—здѣсь содомно. Черезъ часъ-мѣста приду къ тебѣ одинъ, тутъ дѣло и сладимъ. Скажу, не похвалясь, каковъ я, право такихъ мало (*отходитъ*).

Стародумъ. Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародумъ. А онъ вашъ братецъ?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка: вѣдь и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ; она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей

было у нихъ восемнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой Недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

Стародумъ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Намъ ни чему не учили. Бывало, добрыя люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу, — кстати ли? Покойникъ-свѣтъ и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволить закричать: проклянута ребенка, который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ. Вы однакожъ своего сына кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова. Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! (*Къ Стародуму*). Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Никола. Женихъ хоть кому, а все-таки учителя ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. (*Минутла Еремьевнѣ, чтобъ ихъ позвать*). А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полицію заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по намъ — учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительскій долгъ исполнили! Нѣмца приняли и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала бъ я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрѣлъ бы, что онъ выучилъ.

Стародумъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова (*увидя Кутейкина и Цыфиркина*). Вотъ и учителя! Не говорила ль я, батюшка, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя

хвалить дурно, а куда не безсчастлива будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Правдинъ. Это все хорошо. Не забудьте однакожь, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! все готово; сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ. Благодарень! Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить тебя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ общаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить.

Стародумъ (*къ Правдину*). Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда прійду.

Правдинъ. Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ. Радъ душею. (*Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво*).

Г-жа Простакова. Такъ милости просимъ.

(*Кромь учителей, всѣ отходятъ. Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ. Что за бѣсовщина! Съ самага утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтеть и погибнетъ.

Цыфиркинъ. А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанту не стало...

Кутейкинъ. Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутье къ нашей просвириѣ, взалкахъ бы яко песь ко вечеру.

Цыфиркинъ. Здѣшни господа добры командиры!

Кутейкинъ. Слыхаль ли ты, братецъ, каково житье-то здѣшнимъ челядинцамъ? Даромъ что ты служивый, бываль на баталіяхъ, страхъ и трепеть приидеть на тя...

Цыфиркинъ. Вотъ на, слыхаль-ли? Я самъ видаль здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три. (*Вздохнулъ*) Охъ-ти мнѣ! грусть беретъ.

Кутейкинъ. О, горе мнѣ грѣшному!

Цыфиркинъ. О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ. И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьевичъ?

Цыфиркинъ. За неволю призадумаеться! Даль мнѣ Богъ, ученичка, боярскаго сына. Бьюсь съ нимъ третій годъ; трехъ перечесть не умѣеть.

Кутейкинъ. Такъ у насъ одна кручина. Четвертый годъ мучу свой животъ. Посестъ часъ кромѣ задовъ новой строки не разбереть; да и зады мямлетъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

Цыфиркинъ. А кто виновать? Лишь онъ грифель въ руки, а нѣмецъ въ двери: ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ. Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, басурманъ въ глаза: ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ (*съ жаромъ*). Я даль бы себѣ ухо отнести, лишь бы этого тунеядца пропколить по-солдатски.

Кутейкинъ. Меня хоть теперъ шелепами, лишь бы выю грѣшничу нутемъ наkostenять.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, г-жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь: только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Прійдетъ часть воли Божіей!

Митрофанъ. Часть моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. (*Цыфиркинъ очиниваетъ грифель*).

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Копелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бы куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (*работая*). Ахъ, Господи Боже мой! ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе. У насъ російская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задани-то вѣкъ назадъ останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Миѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ пагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣтъ далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, ¹⁾ ийти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (*пишетъ*). Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ (*пишетъ*). Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смякни-тко, по чему на брата?

---

¹⁾ Напримѣръ.

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*). Единожды три—три, единожды нуль—нуль.

Г-жа Простакова. Что, что, до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашелъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пипи, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ (*пишетъ*). Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*). Нуль да нуль—нуль; одинъ да одинъ... (*Задумался*).

Г-жа Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ—что считать? деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошононько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не стануть.

Митрофанъ. Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ (*открываетъ Часословку. Митрофанъ беретъ указку*). Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. Азь же есмь червь...

Митрофанъ. Азь же есмь червь...

Кутейникъ. Червь, сирѣчь животнона, скоть. Сирѣчь: азь есмь скоть.

Митрофанъ. Азь есмь скоть.

Кутейкинъ (*учебнымъ голосомъ*). А не человекъ.

Митрофанъ (*также*). А не человекъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человекъ.

Митрофанъ. Поношеніе человекъ.

Кутейкинъ. И уни...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тъ же и Вральманъ.

Вральманъ. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь то я фижу! Умарить хотять репенка! Матушка ты мая! спался натъ сфаей утрой,—такъ скасать, асмое тифа фъ сфйтѣ. Тай фюлю этимъ преклятымъ слатѣямъ, нсъ такой калафы толго ль палфанъ? Ушь диспозиціонъ, ушь все есть.

Г-жа Простакова. Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и подавна.

Кутейкинъ (*затворяя Часословъ*). Конецъ и Богу слава.

Вральманъ. Матушка моя! Што тепѣ натопно? Сынокъ, какофъ есть, да талъ Похъ старовье; или сынокъ премудрой, такъ скасать, Аристотелись, ¹⁾ да въ могилу.

Г-жа Простакова. Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ! Онъ же и такъ вчера небережно поужиналъ.

Вральманъ. Разсути-шь, мать мая, напилъ прюхо лишнѣ—пѣда; а фитъ калоушка-то у нефо караздо слапѣ прюха, напитокъ ее лишнѣ, захрани Поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не вычась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ: скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь.

Вральманъ. Чефо паяться, мая матушка? Расумный шеловѣкъ никахта ефо не сатереть, никахта зѣ шимъ не

¹⁾ Знаменитый греческій философъ.

саспорить: а онъ съ умными лютьми не сфясывайся, такъ п путеть плаготенствіе Пожіе.

Г-жа Простакова. Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ всегда лучше.

Вральманъ. Сфая кампанія то ли тѣло!

Г-жа Простакова. Адамъ Адамычъ! да изъ кого жъ ты ее выберешь?

Вральманъ. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; какофъ тѣой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыспрать сепѣ кампаній!

Г-жа Простакова. То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ. То ли пы тѣло, капы не самарили ефо на ушене! Россиска крамать! Арихметика! Ахъ Хоспоти Поже мой! Какъ туша фѣ тѣлѣ остаёса! Какъ путто пы россиски тфоряниниъ ушь и не могъ фѣ сфѣтѣ авансировать пезъ россиской крамать!

Кутейкинъ (*въ сторону*). Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ. Какъ путто пы до арихметики пыли люти тураки несчетные!

Цыфиркинъ (*въ сторону*). Я те ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мнѣ.

Вральманъ. Ему потребно спать, какъ шить фѣ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизустъ; я самъ терга калашъ.

Г-жа Простакова. Какъ тебѣ не знать большого свѣту, Адамъ Адамычъ! Я чай, и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотникъ пыль смотрѣть публикъ. Пыфало, о прасникѣ съѣтутца въ Катрингофѣ кареты съ хосподамъ; я фсе на нихъ смотрю. Пыфало, не сойту ни на минуту съ косель.

Г-жа Простакова. Съ какихъ козелъ?

Вральманъ (*съ сторону*). Ай, ай, ай, ай! Што я зафралъ!
(*Въ слухъ*). Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фегда
лофче зповыши, такъ я, пыфало, на снакому карету и са-
сѣль, та и смотру польшой сфѣтъ съ косель.

Г-жа Простакова. Конечно, видиѣе. Умный человекъ
знаеть, куда взлѣтъ.

Вральманъ. Вашъ тражайшій сынъ также на сфѣтъ
какъ ницуть вмаститца лютей посматрѣть и селя показать.
Уталецъ! (*Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается*).

Вральманъ. Уталецъ! Не постонть на мѣстѣ, какъ тикой
конь пезъ усды. Ступай! Фортъ! (*Митрофанъ убиваетъ*).

Г-жа Простакова (*усмѣхаясь радостно*). Ребенокъ,
право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однакожъ, чтобъ онъ
съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ-нибудь гостя не прогнѣваль?

Вральманъ. Поты, мая матушка! Салѣтна птиса! Съ
нимъ тфой гласа натошно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адамъ Адамычъ!
(*Отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ (*насмѣхаясь*). Эка образна!

Кутейкинъ (*насмѣхаясь*). Прпчта во языцѣхъ!

Вральманъ. Чему фы супы-то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ (*ударивъ по плечу*). А ты что брови-то
нахмурилъ, чухонская сова!

Вральманъ. Ой! ой! шелѣсны лапы!

Кутейкинъ (*ударивъ по плечу*). Филинъ проклятый,
что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральманъ (*тихо*). Пропаль я. (*Вслухъ*). Што фы
нстефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркинъ. Самъ праздно хлѣбъ ѣшь, и другимъ ни-
чего дѣлать не даешь; да ты жъ еще и рожи не уставышь.

Кутейкинъ. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, не-
честивый!

Вральманъ (*оправляясь отъ робости*). Какъ фы терсаете нефѣшничать передъ упоной персоной? Я на-краулъ сакричу.

Цыфиркинъ. А мы те и честь отдадимъ: я доскою...

Кутейкинъ. А я Часословомъ.

Вральманъ. Я хоспожѣ на фась пошалаюсь.

(*Цыфиркинъ, замаливаясь доскою, а Кутейкинъ Часословомъ*).

Цыфиркинъ. Раскрою тебѣ рожу на пятеро. } *Вмѣстѣ.*
Кутейкинъ. Зубы грѣшника сокрушу. }

(*Вральманъ бѣжитъ*).

Цыфиркинъ. Ага! поднялъ трусь ноги!

Кутейкинъ. Направи стоны своя, окаянный.

Вральманъ (*въ дверяхъ*). Што фсяли, пестія? Сюта сунтесь.

Цыфиркинъ. Уплель! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ. Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ. Засѣлъ пребеззаконный! Много-ль тамъ вастъ басурмановъ-то! Всѣхъ высылай.

Вральманъ. Съ атнимъ не слатели. Эхъ,)
пратъ, фсяли!

Цыфиркинъ. Одинъ десятерыхъ уберу. }

Кутейкинъ. Во утріе избію вся грѣшныя } *Всѣ
вдругъ
кричатъ.*
земли.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья (*одна, глядя на часы*). Дядюшка скоро должень выйти. (*Садясь*) Я его здѣсь подожду. (*Вьнимаетъ книжку и прочитавъ нѣсколько*) Это правда. Какъ не быть довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! (*Прочитавъ опять нѣсколько*). Нельзя не любить правилъ добродѣтели: они способны къ счастію (*Прочитавъ нѣсколько, взглянула и, увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ. А! ты уже здѣсь, другъ мой сердечный.

Софья. Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ. Какую?

Софья. Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвиць.

Стародумъ. Фенелона, автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ пинѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель. Сядемъ. *(Оба съми)* Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько счастливою, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья. Ваши наставленія, дядюшка, составятъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ; оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ. Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостью подамъ тебѣ мои совѣты. Слушай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою искренностію я говорить буду. Поближе. *(Софья подвигаетъ стулъ свой)*.

Софья. Дядюшка, всякое слово ваше рѣзано будетъ въ сердце мое.

Стародумъ *(съ важнымъ чистосердечіемъ)*. Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, душа наслаждаться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшить часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы, развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй оста-

новиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твой разумъ и сердце.

Софья. Все мое страданіе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которые увидятъ, какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злится? Не можно-ль, дядюшка, найти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

Стародумъ. Дурное расположеніе людей, недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унижить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ для того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Возможно-ли, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкіе люди, въ которыхъ дурное чувство родится точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее? Добродѣтельный человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

Стародумъ. Они жалки, это правда; однако для этого добродѣтельный человѣкъ не перестаетъ идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было-бы несчастье, ежели-бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить!

Софья. Да скажите жъ мнѣ, пожалуйста, виноваты ли они? Всякій ли человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ?

Стародумъ. Повѣрь мнѣ, всякій найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельною. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за что бь совѣсть угрызала.

Софья. Кто жъ остережетъ человѣка, кто не допуститъ до того, за что послѣ мучитъ его совѣсть?

Стародумъ. Кто остережетъ? Та же совѣсть. Вѣдай,

что совѣсть всегда, какъ другъ, остерегаетъ прежде, нежели какъ судья наказываетъ.

Софья. Такъ поэтому надобно, чтобъ всякій порочный человѣкъ былъ дѣйствительно презрѣннѣйшій, когда дѣлаетъ онъ дурно, зная, что дѣлаетъ. Надобно, чтобъ душа его была очень низка, когда она не выше дурнаго дѣла.

Стародумъ. И надобно, чтобъ разумъ его былъ не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародумъ. Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой расчетъ. Степени знатности рассчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокоумѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богатъ мой тоже. По моему расчету, не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго.

Софья. Какъ это справедливо! Какъ наружность насъ ослѣпляетъ! Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у двора ищетъ и значить...

Стародумъ. А того не знаютъ, что у двора всякая тварь чтонибудь да значить и чегонибудь да ищетъ; того не знаютъ, что у двора всѣ придворные и у всѣхъ придворные. Нѣтъ, тутъ завидовать нечего: безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто.

Софья. Конечно, дядюшка. И такой знатный никого счастливымъ не дѣлаетъ, кромѣ себя одного.

Стародумъ. Какъ! А развѣ тотъ счастливъ, кто счастливъ одинъ? Знай, какъ бы онъ знатенъ ни былъ, душа его

прямого удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобъ ему одному было хорошо, который бы и достигъ уже до того, чтобъ самому ему ничего желать не оставалось; вѣдь тогда вся душа его занялась бы однимъ чувствомъ, одной боязнію: рано или поздно сверзиться. Скажи жъ, мой другъ, счастливы-ли тотъ, кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это не понятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Неужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣ жъ умъ, которымъ такъ величаются?

Стародумъ. Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонавіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Онъ неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много и много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели не достаешь въ немъ какого нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.

Софья. Вале изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнаго человѣка, и его должность.

Стародумъ. Должность! А, мой другъ, какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслить, ничего не чувствуетъ. Еслибъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зави-

симъ. Еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бь совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ-бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бь такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ—подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю.

Софья. Возможно ль такъ себя унижить?

Стародумъ. Другъ мой, что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждаго свои должности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твоё вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротили съ пути добродѣтели. Въмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться иѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная

имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа, и жены?

Софья. Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра!

Стародумъ. И не дивлюся: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я еще той вѣры, что чело-вѣкъ не можетъ быть развращенъ столько, чтобъ могъ спо-койно смотрѣть на то, что видимъ.

Софья. Боже мой! отчего такія страшныя несчастія?

Стародумъ. Оттого, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ: знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли не-вѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный чело-вѣкъ безъ большого чина—презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. При-знаюсь тебѣ, другъ мой, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ. Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила-бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила: это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда, послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу при-вязанность. Мужъ благоразумный, жена добродѣтельная — что почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совер-шенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ (*съ нѣжнойшею горячностью*). И мое вос-

хищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависитъ твое счастье. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечный другъ, ты соединяешь въ себѣ обонхъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель...

Софья. Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. (*Бросаясь цаловать ему руки*) Гдѣ она?

Стародумъ (*цалуя самъ ея руки*). Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастья. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это прійти къ тебѣ можетъ; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтобъ чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цѣну...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Камердинеръ.

(*Камердинеръ подаетъ письмо Стародуму*).

Стародумъ. Откуда?

Камердинеръ. Изъ Москвы, съ нарочнымъ. (*Отходитъ*).

Стародумъ (*распечатавъ и смотря на надпись*). Графъ Честанъ. А! (*Начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобратъ не могутъ*). Софьюшка, очки мои на столѣ, въ книгѣ.

Софья (*отходя*). Тотчасъ, дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стародумъ (*одинъ*). Онъ, конечно, пишетъ ко мнѣ о томъ же, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе? Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

ЯВЛЕНІЕ V.

Стародумъ и Софья.

Софья (*подавая очки*). Нашла, дядюшка.

Стародумъ (*читаетъ*). „...Я теперь только узналъ... вѣдетъ въ Москву свою команду... онъ съ вами долженъ встрѣтиться. Сердечно буду радъ, если онъ увидится съ вами... Возьмите трудъ узнать образъ мыслей его...“ (*Въ сторону*) Конечно, безъ того ее не выдамъ... „Вы найдете... Вашъ истинный другъ...“ Хорошо. Это письмо до тебя при- надлежитъ. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ похвальныхъ свойствъ, представленъ... Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечный; я это и давеча примѣтилъ и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья. Могу ли я имѣть на сердцѣ что нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка, я чистосердечно скажу вамъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же. Правдинъ и Милонъ.

Правдинъ. Позвольте представить вамъ господина Милонъ, моего истиннаго друга.

Стародумъ (*съ стороны*). Милонъ!

Милонъ. Я почту за истинное счастье, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ. Графъ Честанъ не свойственникъ ли вашъ?

Милонъ. Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ. Мнѣ очень пріятно быть знакому съ чело- вѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливья достоинства...

Милонъ. Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокоуміе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодого человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ. Я напередъ увѣренъ, что другъ мой приобрететъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей...

(Стародумъ оглядывается на Софью).

Софья *(тихо Стародуму и въ большой робости)*. И матушка любила его какъ сына.

Стародумъ *(Софьѣ)*. Мнѣ это очень пріятно. *(Милону)* Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустранимость ваша...

Милонъ. Я дѣлалъ мою должность. Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволяли мнѣ показать прямой неустранимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ. Какъ! Будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ. Я подвергалъ ее, какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру — честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустранимости не имѣлъ я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стародумъ. Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустранимость?

Милонъ. Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустранимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того, безъ всякаго сомнѣнія, и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустранимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе — онъ для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустранимость его состоитъ слѣдственно въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою: онъ ее никогда не отваживается; онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ. Справедливо. Вы прямую неустранимость полагаете въ начальникѣ; свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ. Она добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія,

которое ею не могло бы отличиться. Миѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души—во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустрашимостію человѣка государственнаго, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни мщенія, ни угрозъ сильнаго, отдастъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ—герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ? Я понимаю неустрашимость такъ...

Стародумъ. Когда понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

Милонъ. Душа благородная... Нѣтъ, не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣтъ. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависить сдѣлать его счастье. Я полагаю его въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародумъ (*къ Софій, съ радостью*). Какъ! Сердце твое умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародумъ. Вы оба другъ друга достойны. (*Въ восхищеніи соединяетъ ихъ руки*). Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ, (*обнимая Стародума*). Мое счастье несравненно!

Софья, (*цалуя руки Стародумовы*). Кто можетъ быть счастливѣе меня?

Вмѣстѣ.

Правдинъ. Какъ искренно я радъ!

Стародумъ. Мое удовольствіе неизреченно.

Милонъ, (*цалуя руки Софьи*). Вотъ минута нашего благополучія!

Софья. Сердце мое вѣчно любитъ тебя будетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. И я здѣсь.

Стародумъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ. За своей нуждой.

Стародумъ. А чѣмъ могу служить?

Скотининъ. Двумя словами.

Стародумъ. Какими это?

Скотининъ. Обнявъ меня иокрѣче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародумъ. Не пустое ль затѣвать изволишь? Подумай-ка хорошенько.

Скотининъ. Я никогда не думаю и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародумъ. Это странное дѣло! Человѣкъ ты, какъ вижу, не безъ ума, а хочешь, чтобъ я отдалъ мою племянницу за кого, не знаю.

Скотининъ. Не знаешь, такъ я скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ Скотининыхъ великій и старинный. Пращура нашего ни въ какой герольдіи ¹⁾ не отыщешь.

Правдинъ, (*смѣючись*). Эдакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама.

Скотининъ. А что ты думаешь? Хоть немногимъ...

Стародумъ (*смѣючись*). То есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой же день, да немного попрежде Адама.

---

¹⁾ Учрежденіе, вѣдающее дворянскія родословныя.

Скотининъ. Нѣтъ, право? Такъ ты добраго мнѣнія о старинѣ моего рода?

Стародумъ. О! такого-то добраго, что я удивляюсь, какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбрать жену изъ другого рода, какъ изъ Скотининныхъ.

Скотининъ. Разсуди же, какое счастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка...

Стародумъ. Экой человѣкъ! Да для того-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ. Уже я на то пошелъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ; для меня все равно.

Стародумъ. Да для нея не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ. Такое неравенство сдѣлало бъ несчастье вамъ обоимъ.

Скотининъ. Ба! Да этотъ что тутъ равняется? (*Тихо Стародуму*) А! не отбиваетъ ли?

Стародумъ (*тихо Скотинину*). Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ (*тѣмъ же тономъ*). Да гдѣ къ чорту!

Стародумъ (*тѣмъ же тономъ*). Тяжело.

Скотининъ (*громко, указывая на Милона*). Кто жъ изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ (*сметая*). Вижу, кто смѣшонъ.

Софья. Дядюшка, какъ мнѣ мило, что вы веселы!

Скотининъ (*Стародуму*). Ба! Да ты весельчакъ. Давича я думалъ, что къ тебѣ и приступу нѣтъ. Мнѣ слова не ска-заль, а теперь все со мной смѣбешся.

Стародумъ. Таковъ человѣкъ, мой другъ! Чась на часъ не приходитъ.

Скотининъ. Это и видно. Вѣдь и давича былъ я тотъ же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ. Была причина.

Скотининъ. Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ хлѣва, да найду свиней не въ порядкѣ, — досада и возьметъ. И ты, не въ проносъ слово,

заѣхавъ сюда, нашель сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ, — тебѣ и досадно.

Стародумъ. Ты меня счастливиѣе. Меня трогаютъ люди. Скотининъ. А меня такъ свињи.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова (*входя*). Все ль съ тобою, другъ мой? Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послушимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, миѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своею. (*Стародуму*) Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*) Кланяйтесь.

Стародумъ. Какую, сударыня?

Г-жа Простакова. Во первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей напихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) дароваль намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выучень?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учая у Кутейкина, и какому математику, учая у

Цыфиркина. (*Къ Правдину*) Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка. }
Простаковъ. Всему, мой отецъ. } *Вмѣстѣ.*

Митрофанъ. Всему, чему изволишь.

Правдинъ (*Митрофану*). Чему жъ бы напимѣрь?

Митрофанъ (*подаетъ ему книгу*). Вотъ, грамматикѣ.

Правдинъ (*взявъ книгу*). Вижу. Это грамматика. Чтожъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительна, да прилагательна...

Правдинъ. Дверь, напимѣрь, какое имя: существительное, или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь! Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? Прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣсть существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще слызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не рассказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется.

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адамъ Адамыча.

Правдинъ (*Митрофану*) А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко-ль? Какова исторія! Въ шной зале-
тишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учить васъ Враль-
манъ?

Стародумъ. Вральманъ! Няма что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не
разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ рассказы-
вать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Простакова (*съну*). Слышишь, другъ мой сердеч-
ный. Это что за наука?

Митрофанъ (*тихо матери*). А я почему знаю?

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямяся,
душенька, теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ,
о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Какъ, батюшка, назвалъ
ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еорграфія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! Пристали
съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И вѣдомо, батюшка. Да
скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и
разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А къ чему бы это слу-
жило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось-бы и къ тому,
что ежели-бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то
на что жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворян-
ская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда,—свезутъ,

куда изволишь. Мнѣ, повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣпительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворить и что нибудь положить. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похваюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученъе вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была голбушка!

Правдинъ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклониться — какъ хватить себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничъ. Я хотѣлъ бы знать: есть-ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвась, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ (*Милону*). Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякій того и смотритъ, что на покой. (*Правдину*) Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперъ, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! (*Вставая*) Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія нибудь повелѣнія отъ наместника.

Стародумъ (*встаетъ и все встаетъ*). Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ. Я еще увижусь съ вами. Вы завтра ѣдете по утру?

Стародумъ. Часовъ въ семь. (*Правдинъ отходитъ*).

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду сдѣлать къ тому распоряженіе. (*Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремѣевна, Стародумъ и Софья.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Ну, мой батюшка, ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка?

Скотининъ. Ну, мой другъ сердечный, ты видишь, каковъ я?

Стародумъ. Узналъ обоихъ, нельзя короче.

Скотининъ. Быть ли же за мною Софьюшкѣ?

Стародумъ. Не бывать.

Г-жа Простакова. Женихъ ли ей Митрофанушка?

Стародумъ. Не женихъ.

Г-жа Простакова. А что бъ помѣшало?

Скотининъ. За чѣмъ же дѣло стало?

} *Вмѣстѣ.*

Стародумъ, *(сведи обоихъ)*. Вамъ однимъ за секретъ сказать можно: она сговорена. *(Отходитъ и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ)*.

Г-жа Простакова. Ахъ, злодѣй!

Скотининъ. Да онъ рехнулся.

Г-жа Простакова *(съ нетерпѣніемъ)*. Когда они выйдутъ?

Скотининъ. Вѣдь ты слышала, поутру въ семь часовъ.

Г-жа Простакова. Въ семь часовъ!

Скотининъ. Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволить, а и съ Скотининымъ развяжется не скоро! *(отходитъ)*.

Г-жа Простакова *(бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ)*. Въ семь часовъ!.. Мы встанемъ поранѣ... Что захотѣла, поставлю на своемъ... Всѣ ко мнѣ! *(Всѣ подбѣгаютъ)*.

Г-жа Простакова *(къ мужу)*. Завтра въ шесть часовъ чтобъ карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозѣвай.

Простаковъ. Слышу, мать моя.

Г-жа Простакова *(къ Еремьевнѣ)*. Ты во всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремьевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова *(сыну)*. Ты, мой другъ сердечный, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ и поставь троихъ слугъ въ Софьиной передспальней, да двоихъ въ сѣняхъ на подмогу.

Митрофанъ. Все будетъ сдѣлано.

Г-жа Простакова. Подите жъ съ Богомъ. *(Всѣ отхо-*

дять). А я ужъ знаю, что дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Старикъ погнѣвается, да проститъ и за неволю. А мы свое возьмемъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стародумъ. И такъ, ты имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

Правдинъ. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслить, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ незаконно.

Правдинъ. Я въ этомъ согласенъ съ вами; да, какъ мудро истреблять закоренѣлыя предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

Стародумъ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать...

Стародумъ. А! Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всепшутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

Правдинъ. Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что такое лстець.

Стародумъ. Лстець есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣетъ. Все его стремленіе къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него, что ему надобно. Онъ ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

Правдинъ. Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благоправія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, — тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благоправнымъ и всякій хорошъ будетъ.

Правдинъ. Справедливо. Великій государь даетъ...

Стародумъ. Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Правдинъ. Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи...

Стародумъ. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурного воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митро-

фанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ! Сколько дворянъ-отцовъ, которые нравственное воспитаніе сына своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька да молодой баринъ.

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ. Такъ, мой другъ; да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, на примѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно, дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену... Что за шумъ?

Стародумъ. Что такое сдѣлалось?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремѣевна.

Милонъ (*отталкивая отъ Софьи Еремѣевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ, имѣя въ рукахъ обнаженную шпагу*). Не смѣй никто подойти ко мнѣ!

Софья (*бросаясь къ Стародуму*). Ахъ, дядюшка, защити меня!

Стародумъ. Другъ мой, что такое?

Правдинъ. Какое злодѣяніе!

Софья. Сердце мое трепещетъ!

Еремѣевна. Пропала моя голубушка!

} *Вмѣстѣ.*

Милонъ. Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, несмотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Софья. Вогъ мой избавитель.

Стародумъ. Другъ мой!

Правдинъ (*Еремьевнѣ*). Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

Еремьевна. Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Г-жа Простакова (*за кулисами*). Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, г-жа Простакова, Простаковъ и Митрофанъ

Г-жа Простакова. Какая я госпожа въ домѣ! (*Указывая на Милона*). Чужой погрозить, приказъ мой ни во что!

Простаковъ. Я ли виноватъ?

Митрофанъ. За людей приниматься!

} *Вмѣстѣ.*

Г-жа Простакова. Жива быть не хочу!

Правдинъ. Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ, какъ жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!

Простаковъ. Хороши мы!

} *Вмѣстѣ.*

Митрофанъ. Все къ чорту!

Правдинъ. Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее передъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Г-жа Простакова, (*бросаясь на колѣни*). Батюшки! Виновата!

Правдинъ. Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи.

Простаковъ. Безъ вины виноватъ!

} *Вмѣстѣ, бро-*

Митрофанъ. Виноватъ, дядюшка!

} *сь на колѣни.*

Г-жа Простакова. Ахъ, я собачья дочь! Что я надѣлала

ДВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа Простакова (*стоя на колѣняхъ*). Ахъ, мои батюшки! повинную голову меч не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня! (*Къ Софьѣ*) Мать ты моя родная, прости меня, умиласердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и надъ бѣдными сиротами!

Скотининъ. Сестра! О своемъ ли ты умѣ?

Правдинъ. Молчи, Скотининъ.

Г-жа Простакова. Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка, я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа Простакова, (*поднявъ руки къ Стародуму*). Батюшка! прости и ты меня, грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангель.

Стародумъ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ, да не надобно быть и чортомъ.

Милонъ. И преступленіе, и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Правдинъ (*Стародуму*). Вапа малѣйшая жалоба, вапе одно слово предъ правительствомъ... и ужъ спасти ее нельзя.

Стародумъ. Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю.

(*Всѣ вскочили съ колѣнъ*).

Г-жа Простакова. Простилъ! Ахъ, батюшка!.. Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ! теперь-то я всѣхъ переберу по-одиночкѣ! теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки!

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка! Это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочеть?

Правдинъ. Когда захочеть! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ! (*Г-жѣ Простаковой*) Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа Простакова. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочеть, и слуги высѣчь не воленъ! Да на чтожь данъ намъ указъ о вольности дворянства? ¹⁾

Стародумъ. Мастерница толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмѣхаться; а я теперь же всѣхъ съ головы на голову... (*Порывается идти*).

Правдинъ (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ, Простакову*). Именемъ правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Какъ! Новая бѣда! За что? за что, батюшка? Что я въ своемъ домѣ госпожа...

Правдинъ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоустроенномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. (*Простакову*). Подите.

Простаковъ (*отходитъ, всплеснувъ руками*). Отъ кого это, матушка!

Г-жа Простакова (*тоскуя*). О, горе взяло! О, грустно!

Скотининъ (*въ сторону*). Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякій Скотининъ можетъ понасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по-добру, по-здорову.

Правдинъ (*Скотинину*). А скорѣе всего ты. Я слыхаль,

---

¹⁾ Указъ Петра III, предоставлявшій дворянамъ многія преимущества.

что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Скотининъ. Государь ты мой милостивый! да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ (*Стародуму*). Я шель-было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

Стародумъ (*указывая на Милона*). Вотъ онъ.

Скотининъ. Ага! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впредь, да и...

Правдинъ. Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однакожъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены.

Скотининъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей...

Правдинъ. Побольше любили, или бь по крайней мѣрѣ...

Скотининъ. Ну...

Правдинъ. Хоть не трогали.

Скотининъ (*отходя*). Хоть не трогали.

ЯВЛЕНИЕ V.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремѣевна.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Батюшка! не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно ль какъ нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Правдинъ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мнѣ сроку хоть на три дня. (*Въ сторону*) Я дала бы себя знать...

Правдинъ. Ни на три часа.

Стародумъ. Да, другъ мой, она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣдомъ не пособишь.

Г-жа Простакова. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?..

Правдинъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ, а...

Г-жа Простакова. А съ долгами-то раздѣлаться?.. Не доплачено учителямъ.

Правдинъ. Учителямъ? (*Еремѣвнѣ*) Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремѣевна. Чай, что прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?..

Правдинъ. Всѣхъ позови. (*Еремѣевна отходитъ*).

Правдинъ. Не заботься ни о чемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ. (*видя въ тоскѣ и-жу Простакову*). Сударыня, ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я го-жусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Еремѣевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Еремѣевна (*введя учителей, къ Правдину*). Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ (*Правдину*). Ваше фысоко-и-плахоротіе, псфюлили къ сепѣ прасить?

Кутейкинъ (*Правдину*). Званъ быхъ, и пріидохъ.

Цыфиркинъ (*Правдину*). Что приказу будетъ, ваше благородіе?

Стародумъ (*съ прихода Вральмана въ него вглядывается*). Ба! Это ты, Вральманъ?

Вральманъ (*узнавъ Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостивый господинъ! (*Цалюя полу Стародумову*). Старофенька ли, мой отесь, пошифать исфолишь?

Правдинъ. Какъ! Онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ. Какъ не знакомъ! Онъ три года былъ у меня кучеромъ. (*Всѣ показывают удивленіе*).

Правдинъ. Изрядный учитель!

Стародумъ. А ты здѣсь въ учителяхъ, Вральманъ? Я думалъ, право, что ты человѣкъ добрый и не за свое не возмешься.

Вральманъ. Та што тѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣтній. Три мѣсеца фѣ Москфѣ патался пезъ мѣстъ, кушеръ ни хтѣ не ната. Пришло миѣ липо съ голоть мереть, либо ушитьелъ...

Правдинъ (*къ учителямъ*). По волѣ правительства ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ. Лучше не надо!

Кутейкинъ. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдинъ. А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ. Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что пстаскаль въ три года, за прости, что сюда прибредешъ, бывало, по пусту, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкинъ! За что это?

Правдинъ. Не мѣшайтесь, сударыня, я васъ прощу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду: чему ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ. Это его дѣло, не мое.

Правдинъ (*Кутейкину*). Хорошо, хорошо. (*Цыфиркину*) Тебѣ много ль заплатить?

Цыфиркинъ. Миѣ? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полупки не заплачено.

Цыфиркинъ. Такъ, на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года—мы и квити.

Правдинъ. А за ученье?

Цыфиркинъ. Ничего.

Стародумъ. Какъ ничего?

Цыфиркинъ. Не возьму ничего: онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ. Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ. Не за что. Я государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ; по пустому не бралъ и не возьму.

Стародумъ. Вотъ прямо добрый человѣкъ! (*Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги*).

Правдинъ. Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ!

Кутейкинъ (*потупя голову*). Посрамился, окаянный.

Стародумъ (*Цыфиркину*). Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ. Спасибо, ваше высокородіе, благодаренъ. Дарить меня ты воленъ; самъ не заслужа, вѣкъ не потребую.

Милонъ (*давая ему деньги*). Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ. И еще спасибо. (*Правдинъ дастъ также деньги*).

Цыфиркинъ. Да за что, ваше благородіе, жалуете?

Правдинъ. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркинъ. И! ваше благородіе! Я солдатъ.

Правдинъ (*Цыфиркину*). Пойди жъ, мой другъ, съ Богомъ. (*Цыфиркинъ отходитъ*).

Правдинъ. А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись разсчестъся съ самою госпожею.

Кутейкинъ (*выбывая*). Съ самою! Отъ всего отступаюсь.

Вральманъ (*Стародуму*). Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня анять къ сепѣ.

Стародумъ. Да ты, Вральманъ, я чаю, отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ. Эй, нѣтъ, мой патюшка! Шіучи съ стѣшнмъ хоснотамъ, касалось мнѣ, што я фсе съ лопатками.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Камердинеръ.

Камердинеръ (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральманъ. Прикашишь мнѣ дофести сепя?

Стародумъ. Поди, садись на козлы. (*Вральманъ отходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ,
Митрофанъ, Еремѣвна.

Стародумъ (*Правдину, держа руки Софьи и Милона*).
Ну, мой другъ, мы ѣдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ. Всего счастья, на которое имѣютъ право
честныя сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Одинъ ты
остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ. Да отвяжись, матушка! Какъ навязалась...

Г-жа Простакова. И ты, и ты меня бросаешь! А! не-
благодарный! (*Упала въ обморокъ*).

Софья (*подбѣжавъ къ ней*). Боже мой! она безъ памяти.

Стародумъ (*Софью*). Помоги ей, помоги. (*Софья и Ере-
мѣвна помогаютъ*).

Правдинъ (*Митрофану*). Негодница, тебѣ ли грубить
матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего
больше до несчастья.

Митрофанъ. Да она, какъ будто невѣдомо...

Правдинъ. Грубіянь!

Стародумъ (*Еремѣвнѣ*). Что она теперь? Что?

Еремѣвна (*посмотрѣвъ пристально на г-жу Проста-
кову и всплеснувъ руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ (*Митрофану*). Съ тобой, дружокъ, знаю, что
дѣлать. Пошелъ-ка служить...

Митрофанъ (*махнувъ рукою*). По мнѣ, куда велятъ!

Г-жа Простакова (*очнувшись, въ отчаяніи*). Погибла я
совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ
показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ (*указавъ на г-жу Простакову*). Вотъ зло-
нравія достойные плоды!

БРИГАДИРЪ.

КОМЕДІА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бригадиръ.	Совѣтница, жена его.
Иванушка, сынъ его.	Софія, дочь совѣтничья.
Бригадирша.	Добролюбовъ, любовникъ Софіи.
Совѣтникъ.	Слуга совѣтничій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату, убранную по-деревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ. Сынъ его, въ дезабилье, кобеняся, пьетъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница въ дезабилье и корнетѣ и, жеманясь, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одалъ и чулокъ вяжетъ. Софія также сидитъ одалъ и шьетъ въ тамбуръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Совѣтникъ (*смотря въ календарь*). Такъ, ежели Богъ благословитъ, то 26 числа быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas.

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако, это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (*указывая на Совѣтника*) хочеть онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословіемъ. А чтобъ лучше на него, Господа, положить можно было, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (*вслушиваясь, приподнимаетъ шпичку колпака*). Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго: наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещаль на мнѣ вину каждаго рядового.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. Полно, сосѣдшка. Не грѣши ради Бога, не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть коллегіи президентомъ—вотъ какъ премудра Акулина Тимоѣевна.

Бригадиръ. Премудра! вотъ-на, сосѣдшка! Ты, жалую насъ, такъ говорить изволишь, а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походить. Иное дѣло твоя Авдотья Потапѣвна. О! я сказать ей могу въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и бригадиръ, однако ей-ей радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины,

которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея высокородія.

Сынъ. Dieu! сколько прекрасныхъ комплиментовъ: ба-зюшка! тестъ! матушка! теща! А сколько умовъ—голова го-ловы лучше.

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣ-ламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ. Читать? Артикуль и уставъ военный: не худо прочесть также инструкцію межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьей, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расход-ныя тетрадки. Лучше плуты люди тебя не обмануть. Ты тамо не дашь уже пяти копѣекъ, гдѣ надобно дать четыре копѣйки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ рома-новъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, риско-вала бы остаться навѣки дурую.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. O! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья (*въ сторону*). Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о васъ думаю.

Сынъ. А что бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставьте ее, зятюшка. Она, не знаю, о чемъ-то съ ума сходить.

Бригадиръ. O! это пройдетъ. У меня жена передъ свадь-бою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако, послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи

здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда нибудь была умнѣе.

Бригадирша. Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! А я, съ тобой живучи, ума не потеряю.

Совѣтникъ. Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница (*вздыхаетъ*). Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне; мы всѣ равны.

Совѣтникъ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и свать, точно то въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и лучше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я какабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

Совѣтникъ. Безъ власти Создателя и святѣйшаго Синода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣніе. Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. Да то во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ; нѣтъ, дорогой зять! какъ мы, такъ и жены наши, всѣ въ руцѣ Создателя. У него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то-и-дѣло деньги да деньги считаю.

Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволить, а мы, рабы его, и деньги считать лѣнимся, — деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосъ на силу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ. Враки. Я не вѣрю, чтобы волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ Ему?

Бригадирша. Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. Ай, жена! Я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы такой пустоши и не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, неизвѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ. Стыдное дѣло.

Совѣтница. Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискутировать? Выбрали такую серьезную матерію, которую я не понимаю.

Бригадиръ. Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобы забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого, что бы...

Совѣтникъ. Что бы, по крайней мѣрѣ, хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтника. И самъ, правду сказать, неохотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая не можно сослаться ни на указы, ни на уложение.

Бригадирша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. (*Къ Совѣтницѣ*) Перегнемъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ, — застольное, или деньгами? Свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленный?

Сынъ. C'est plus intéressant.

Совѣтница. Шутить, радость. Я почему знаю, что вѣсть вся эта скотина?

Совѣтникъ (*къ женѣ*). Не стыди меня! Матушка, Акулина Тимоѣевна! люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша. Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ: Ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ анбары.

Совѣтникъ (*въ сторону*). Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадиръ. Что ты это говоришь, свать? (*Въ сторону*). Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ. Хвалю разумное поученіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ. Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша. Да какъ же, мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ,—такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ. Слушай, жена. Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобы ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будетъ худо!

Сынъ. Моп рѣге! не горячитесь.

Бригадиръ. Что не горячитесь?

Сынъ. Моп рѣге! я говорю, не горячитесь!

Бригадиръ. Да перваго-то слова, чортъ-те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. Ха-ха-ха-ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по-французски не знаете.

Бригадиръ. Экъ онъ горло-то распустилъ. Да ты, смысла по-русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ?

Совѣтница. Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка, Игнатій Андреевичъ, пусть

Иванушко говорить, какъ хочеть. По мнѣ все равно. Иное говорить онъ, кажется, и порусски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить: ученье свѣтъ, а неученье тьма!

Совѣтникъ. Конечно, матушка! кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотей у насъ развелось: и то-то, вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, такъ тѣ знавали грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочищаютъ безъ грамматики, любо-дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который, что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою во вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ. На что, свать, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать, а онъ—въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать—и не слыхиваль о грамматикѣ.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривень восемь, а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница. Чортъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ, по крайней мѣрѣ, изорвала я одну на папильоты.

Сынъ. J'en suis d'accord, на что грамматика. Я самъ писываль тысячи бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu, ma reine, можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Слуга.

Слуга. Господинъ Добролюбовъ приѣхать изволилъ.

Софья (съ стороны). Боже мой! Онъ приѣхаль, а я не вѣста друтому.

Совѣтникъ. Пойдемъ же на встрѣчу сына друга моего и погуляемъ съ нимъ по саду.

Бригадиръ (къ *Совѣтницѣ*). Не изволите ли и вы проходиться?

Совѣтница. Нѣтъ, сударь, я останусь здѣсь. Мнѣ сынъ вашъ сдѣлаетъ компанію.

Сынъ. De tout mon coeur, я съ вами наединѣ быть радъ.

Совѣтникъ (къ *Бригадирш*). Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. Изволь, изволь, мой батюшка.

Совѣтница (*Софьѣ*). А ты, по крайней мѣрѣ, сдѣлай компанію своей свекрови.

ЯВЛЕНІЕ III.

Совѣтница, Сынъ.

Сынъ (*садится очень близко Совѣтницѣ*). Мнѣ кажется, сударыня, что вашъ сожитель не больше свѣту знаетъ, сколько для отставного совѣтника надобно.

Совѣтница. Вы правду сказали: онъ ни съ кѣмъ въ жизнь свою не обходится, какъ съ секретарями и подьячими.

Сынъ. Онъ, я вижу, походить на моего батюшку, который во свой вѣкъ разумныхъ людей бѣгалъ.

Совѣтница. Ахъ, радость моя! Мнѣ мило твое чисто-сердечіе. Ты не щадишь отца своего! Вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка.

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели я помышляю его менажировать.

Совѣтница. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь моя, мнѣ кажется, онъ не умнѣе моего мужа, котораго глупѣе на свѣтѣ и бываютъ, однако, очень рѣдко.

Сынъ. Вашъ резонеманъ справедливъ. Скажите-жъ, сударыня, что вы думаете о моей матери.

Совѣтница. Какъ, радость! въ глаза мнѣ это тебѣ сказать совѣстно.

Сынъ. Пожалуй, говори, что изволишь. Я индиферантъ во всемъ томъ, что надлежитъ до моего отца и матери.

Совѣтница. Неправда ли, что она свѣтъ знаетъ столько же, сколько вашъ батюшка?

Сынъ. Dieu! какой вы знатокъ въ людяхъ! Вы, можно сказать, людей насквозь проникаете. Я вижу, что надобно объ этомъ говорить безо всякой диссимюляціи; (*вздохнувъ*) итакъ, вы знаете, что я пренесчастливый человѣкъ. Живу уже двадцать пять лѣтъ и имѣю еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами, а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными.

Совѣтница. Я сама стражду, душа моя, отъ моего уroda. Мужъ мой прямая приказная строка. Я живу нѣсколько лѣтъ съ нимъ здѣсь, въ деревнѣ, и клянусь тебѣ, что все событія къ отмщенію до сего времени у меня отняты были. Все сосѣди наши такіе неучи, такіе скоты, которые сидятъ по домамъ, обнявшись съ женами! А жены ихъ, ха-ха-ха-ха! жены ихъ не знаютъ еще и до сихъ поръ, что это—дезабилъе, и думаютъ, что будто можно прожить на семь свѣтъ въ полшляфрокѣ. Онѣ, душа моя, ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ; прямая свинья...

Сынъ. Pardieu! Поэтому мать моя годится въ число вашихъ сосѣдокъ; а давно ли живете съ такою тварью?

Совѣтница. Мужъ мой пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ. Онъ увидѣлъ, что ему въ коллегіи дѣлать стало нечего, и для того повезъ меня мучить въ деревню.

Сынъ. Которую, конечно, нажилъ до указа.

Совѣтница. При всемъ томъ онъ скупъ, какъ камень.

Сынъ. Или какъ моя матушка. Я безъ лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами.

Совѣтница. Мой уродъ при всемъ томъ ужасная ханжа: не пропускаетъ ни обѣдни, ни заутрени и думаетъ, радость

моя, что будто Богъ столько комплезанъ, что онъ за все-нощную проститъ ему то, что днемъ наворовано.

Сынъ. Напротивъ того, мой отецъ, кромѣ зари, никогда не маливался. Онъ, сказываютъ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однако, женися на моей матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ.

Совѣтница. Пережѣнимъ рѣчь, je vous en prie: мои уши терпѣть не могутъ слышать о чертяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые столь много на нихъ походятъ.

Сынъ. Madame! скажите мнѣ, какъ вы ваше время проводите?

Совѣтница. Ахъ, душа моя, умираю со скуки. И еслибы поутру не сидѣла я часовъ трехъ у туалета, то могу сказать: умереть бы все равно для меня было. Я тѣмъ только и дышу, что изъ Москвы присылаютъ ко мнѣ нерѣдко головные уборы, которые я то-и-дѣло надѣваю на голову.

Сынъ. По моему мнѣнію, кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе. Педанты думаютъ, что это вздоръ и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ.

Совѣтница. Такъ, душа моя! я сама съ тобою однихъ сантиментовъ; я вижу, что у тебя на головѣ пудра, а есть ли что въ головѣ, того, чортъ меня возьми, примѣтитъ не могу.

Сынъ. Pardieu! конечно, этого и никто примѣтитъ не можетъ.

Совѣтница. Послѣ туалета лучшее мое препровожденіе въ томъ, что я загадываю въ карты.

Сыпъ. Вы знаете загадывать, grand Dieu! Я самъ могу называться пророкомъ. Хотите ли, чтобъ показалъ я вамъ мое искусство?

Совѣтница. Ахъ, душа моя! ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сынъ (*придвинувъ столикъ съ картами*). Сперва вы мнѣ отгадайте, а тамъ—я вамъ.

Совѣтница. Съ радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сынъ (*подумавъ*). Загадалъ.

Совѣтница (*раскладываетъ карты*). Ахъ, что я вижу. Свадьба (*вздыхаетъ*). Король женится.

Сынъ. Боже мой! Онъ женится! Что мнѣ этого несноснѣе!

Совѣтница. А дама его не любитъ...

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели и я люблю. Нѣтъ, нѣтъ силъ болѣе терпѣть! Я загадалъ о себѣ. Ah, madame! или вы не видите того, что я жениться не хочу.

Совѣтница (*вздыхая и жеманясь*). Вы жениться не хотите? Развѣ падчерица моя не довольно плѣнила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сынъ. Она постоянна!.. О верхъ моего несчастія! Она еще и постоянна! Клянусь вамъ, что ежели я это въ ней, женясь, примѣчу, то ту же минуту разведусь съ нею. Постоянная жена во мнѣ ужасъ производитъ. Ah, madame! ежели-бъ вы были жена моя, я бы вѣкъ не развелся съ вами.

Совѣтница. Ахъ, жизнь моя! Чего не можетъ быть, на что о томъ терзаться? Я думаю, что и ты не наскучилъ бы мнѣ лишними претензіями.

Сынъ. Позволь теперь, madame, отгадать мнѣ чтонибудь вамъ. Задумайте и вы короля и даму.

Совѣтница. Очень хорошо. Король трефовый и королева дама.

Сынъ (*разложивъ карты*). Король смертно влюбленъ въ даму.

Совѣтница. Ахъ, что я слышу! Я въ восхищеніи. Я виѣ себя съ радости.

Сынъ (*посмотрѣвъ на нее съ нѣжностью*). И дама къ нему не безъ склонности.

Совѣтница. Ахъ, душа моя, не безъ склонности! Скажи лучше, влюблена до безумія.

Сынъ. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдалъ за то, чтобъ свѣдать, кто это керовая дама. Вы краснѣете, вы блѣднѣете. Конечно, это...

Совѣтница. Ахъ, какъ несносно признаваться въ своей пассіи!

Сынъ (*съ торопливостью*). Такъ это вы...

Совѣтница. (*притворяясь, будто последнее слово дорого ей стоитъ*). Я, я сама.

Сынъ (*вздыхнувъ*). А кто этотъ преблагополучный трефовый король, который возмогъ пронзить сердце керовой дамы?

Совѣтница. Ты хочешь, чтобъ я все вдругъ тебѣ сказала.

Сынъ (*вставъ*). Такъ, madame; такъ! я этого хочу и ежели не я тотъ преблагополучный трефовый король, такъ пламень мой къ вамъ худо награждень.

Совѣтница. Какъ! и ты ко мнѣ пылаешь.

Сынъ (*кинувшись на колѣни*). Ты керовая дама!

Совѣтница (*поднимая его*). Ты трефовый король!

Сынъ (*въ восхищеніи*). О, счастье! о, bonheur!

Совѣтница. Можетъ быть, ты, душа моя, и не вѣдаешь того, что невѣста твоя влюблена въ Добролюбова и что онъ самъ въ нее влюбленъ смертно.

Сынъ. St! St! они идутъ. Ежели это правда, oh, que nous sommes heureux! Намъ надобно непременно оставить ихъ въ покоѣ, чтобъ они современемъ въ покоѣ насъ оставили.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Добролюбовъ и Софья.

Софья. Вы изволили здѣсь остаться однѣ, матушка; я нарочно пришла къ вамъ для того, чтобъ вамъ однѣмъ не было скучно.

Добролюбовъ. А я, сударыня, взялъ смѣлость проводить ее къ вамъ.

Совѣтница. Намъ очень здѣсь нескучно. Мы загадывали въ карты.

Сынъ. Мнѣ кажется, mademoiselle, что вы, какъ парочно, пришли сюда свѣдать о вашей свадьбѣ.

Софья. Что это значить?

Совѣтница. Мы загадывали о тебѣ, и если вѣрить картамъ, которыя, впрочемъ, никогда солгать не могутъ, то бракъ твой не очень удаченъ.

Софья. Я это знаю и безъ картъ, матушка.

Сынъ. Вы это знаете; на что-жъ вы рискуете?

Софья. Тутъ никакого риска нѣтъ, а есть очевидная моя погибель, въ которую ведутъ меня батюшка и матушка.

Совѣтница. Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отъ роду того не хотѣла, чего отецъ твой хочетъ.

Сынъ. На что такія изъясненія? (*Къ Совѣтницѣ*) Madame, мы другъ друга довольно разумѣемъ! не хотите ли вы сойтись съ компанією?

Совѣтница. Для меня нѣтъ ничего комодиѣ свободы. Я знаю, что все равно, имѣть ли мужа, или быть связанной.

Сынъ (*даетъ ей знаки, чтобъ она Софью и Добролюбова оставила*). Да развѣ вы никогда отсюда выйти не намѣрены?..

Совѣтница. Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНІЕ V.

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ. Они насъ оставили однихъ. Что это значить?

Софья. Это значить то, что мой женихъ ко мнѣ ни мало не ревнуетъ.

Добролюбовъ. А мнѣ кажется, что и мачихѣ твоей не противно-бъ было, еслибъ твоя свадьба чѣмъ нибудь разорвалась.

Софья. Это гораздо примѣтно. Мнѣ кажется, что мы очень не кстати къ нимъ взопли.

Добролюбовъ. Тѣмъ лучше, ежели этотъ дуракъ въ нее влюбился, да и ей простительно имъ плѣниться.

Софья. Въ разсужденіи ея кокетства очень простиительно, и она лучшаго себѣ любовника найти, конечно, не можетъ, однако, я жалѣю о батюшкѣ.

Довролюбовъ. О, пожалуй о немъ не тужите. Батюшка вашъ, кажется мнѣ, съ отмѣнною нѣжностью глядитъ на бригадиршу.

Софья. Нѣтъ, этого я не думаю. Батюшка мой, конечно, и для того махихъ моей не измѣнитъ, чтобъ не прогнѣвить Бога.

Довролюбовъ. Однако, онъ вѣдаетъ и то, что Богъ долготерпѣливъ.

Софья. Ежели-жъ это правда, то кромѣ бригадирши, кажется мнѣ, будто здѣсь влюблены всѣ до одинаго.

Довролюбовъ. Правда, только разнища состоитъ въ томъ, что ихъ любовь смѣшна, позорна и дѣлаетъ имъ безчестіе. Наша же любовь основана на честномъ намѣреніи и достойна того, чтобъ всякій пожелалъ нашего счастья. Ты знаешь, что ежели-бъ мой малый достатокъ не отвратилъ отца твоего имѣть меня своимъ, то бы я давно уже былъ тобою благополученъ.

Софья. Я тебя увѣряла и теперь увѣряю, что любовь моя къ тебѣ кончится съ жизнью моею. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоей женою. Малый твой достатокъ меня не устрашаетъ. Я все на свѣтъ для тебя снести рада.

Довролюбовъ. Можетъ быть, и достатокъ мой скоро умножится. Дѣло мое приходитъ къ концу. Оно давно-бъ и кончилось, только большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ. Вотъ для чего до сихъ поръ бѣдное мое состояніе не перемѣняется.

Софья. Мы давно заговорились. Намъ надобно итти къ нимъ, для избѣжанія подозрѣнія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Совѣтникъ и Софья.

Совѣтникъ. Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно.

Софья. О чемъ изволите, батюшка?

Совѣтникъ. Во-первыхъ, о чемъ ты печалишься?

Софья. О томъ, батюшка, что ваша воля съ моимъ желаніемъ не согласна.

Совѣтникъ. Да развѣ дѣти могутъ желать того, чего не хотятъ родители? Вѣдаешь ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ: нынѣ все пошло новое, а въ мое время, когда отецъ виновать бываль, тогда дерутъ сына; и когда сынъ виновать, тогда отецъ за него отвѣчаетъ: вотъ какъ въ старину бывало.

Софья. Слава Богу, что въ наши времена этого нѣтъ.

Совѣтникъ. Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виновать, тотъ и отвѣчай, а съ иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виновать только одинъ виноватый. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего-жъ быть виноватымъ?

Совѣтникъ. Для того, что всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бываль судьей: виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый са свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.

Софья. Позвольте мнѣ, батюшка, усомниться; я думаю, что правый, конечно, оставался тогда виноватымъ, когда онъ обвиненъ былъ.

Совѣтникъ. Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правый, а виноватый; такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы подтверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуеть указъ на

одинъ манеръ, то есть на свой, а нашъ братъ, судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ.

Софья. Чего-жь, наконецъ, батюшка, вы отъ меня желаете?

Совѣтникъ. Того, чтобы ты мой указъ, идти замужъ, толковала не по нашему судейскому обычаю, и шла бы за того, за кого я тебѣ велю.

Софья. Я вамъ должна повиноваться; только представьте себѣ мое несчастіе: я женою буду такого дурака, который набить однѣми французскими глупостями, который не имѣть ко мнѣ не только любви, ни малѣйшаго почтенія.

Совѣтникъ. Да какого ты почтенія отъ него изволишь? Мнѣ кажется, ты его почитать должна, а не онъ тебя. Онъ будетъ главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, дѣвочка молодая и не читывала священнаго писанія.

Софья. По крайней мѣрѣ, батюшка, будьте вы въ томъ увѣрены, что онъ и васъ почитать не будетъ.

Совѣтникъ. Знаю, все знаю; однако твой женихъ имѣть хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Совѣтникъ. Деревеньки у него изрядныя. А если зять мой не станетъ рачить о своей экономіи, то я примусь за правленіе деревень его.

Софья. Я не думаю, чтобы будущій мой свекоръ захотѣлъ васъ трудить присмотромъ за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочемъ, я ни чрезъ то, ни чрезъ другое не выигрываю. Я привыкла быть свидѣтельницею доброй экономіи.

Совѣтникъ. Тѣмъ лучше. Ты своего не растеряешь; а это развѣ малое тебѣ счастье, что ты имѣть будешь такую свекровь, которая, мнѣ кажется, превосходитъ всякую тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастію моему, ихъ въ ней примѣтить еще не могла.

Совѣтникъ. Это все-таки оттого же, что ты дѣвочка молодая и не знаешь, въ чемъ состоятъ прямыя добродѣтели. Ты не вѣдаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямого пути къ своему спасенію.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участіе свекровь можетъ имѣть въ пути моего спасенія.

Совѣтникъ. А вотъ какое: вышедъ замужъ, почитай свекровь свою; она будетъ тебѣ и мать, и другъ, и наставница; чти ее первую по Бозѣ; угождай во всемъ быстро проницательнымъ очамъ ея и перенимай у нея все доброе. О такомъ вашемъ согласіи и люди на землѣ радоваться будутъ, и ангелы на небесахъ возрадуются.

Софья. Какъ, батюшка, неужели ангеламъ на небесахъ такъ много дѣла до моей свекрови, что они тогда радоваться будутъ, ежели я ей угождать стану?

Совѣтникъ. Конечно, такъ. Или думаешь ты, что у Господа въ книгѣ животныхъ Акулина Тимооевна не написана?

Софья. Батюшка! Я не вѣдаю, есть ли въ ней она?

Совѣтникъ. А я вѣрую, что есть. Поди-жъ ты, другъ мой, къ гостямъ, и какъ будто отъ себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я наставляю тебя угождать ей.

Софья. Позвольте мнѣ вамъ доложить, батюшка, на что это. Не довольно ли того, если я угождать ей буду безъ всякаго высказыванія?

Совѣтникъ. Я велю тебѣ ей высказывать, а не меня выпрашивать. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Пошла.

ЯВЛЕНІЕ II.

Совѣтникъ (*одинъ*). Она не дура, однако, со всѣмъ ея умомъ догадаться не можетъ, что я привязанъ къ ея свекрови, привязанъ очами, помышленіями и всѣми моими чувствами. Не знаю, какъ объявить ей о моемъ окаянствѣ. Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазную. О, грѣховъ моихъ тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моленіе, что сотворить со мною Игнатій Андреевичъ, который

столько же хранить свою супругу, сколько я свою, хотя, впрочемъ, и не проходило у насъ сряду двухъ часовъ безсороно: вотъ до чего доводитъ къ чужой женѣ любовь! Выдаю дочь мою противъ желанія за ея сына для того только, чтобъ чаще возмогъ я по родству видѣться съ возлюбленною сватьею. Въ ней нахожу я нѣчто отмѣнно разумное, которое другіе примѣтить въ ней не могутъ. Я не говорю о ея мужѣ. Онъ хотя и всегда слылъ мужикомъ разумнымъ: однако военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ, не столько иногда любить жену свою, сколько свою лошадь... А! да вотъ она и идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Совѣтникъ и Бригадирша.

Совѣтникъ. Охъ!

Бригадирша. О чемъ ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Совѣтникъ. О своемъ окаянствѣ.

Бригадирша. Ты уже и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усоншаго походить будешь, и долго ли тебѣ изнурять свое тѣло?

Совѣтникъ. Охъ, моя матушка! Тѣло мое еще не изнурено. Далъ бы Богъ, чтобъ я довелъ его грѣшнымъ моимъ моленіемъ и пощеніемъ до того, чтобъ избавилоя оно отъ дьявольскаго искушенія: не грѣшилъ бы я тогда ни на небо, ни предъ тобою.

Бригадирша. Передо мною? А чѣмъ ты, батюшка, грѣшишь предо мною?

Совѣтникъ. Окомъ и помышленіемъ.

Бригадирша. Да какъ это грѣшать окомъ?

Совѣтникъ. Я грѣшу предъ тобою, смотря на тебя окомъ...

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обѣмъ. Неужели это грѣшно?

Совѣтникъ. Такъ-то грѣшно для меня, что если хочу я избавитья вѣчныя муки на томъ свѣтѣ, то долженъ я на здѣшнемъ походить съ однимъ глазомъ до послѣдняго изды-

ханія. Око мое меня соблазняетъ, и мнѣ исткнутъ его необходимо должно для душевнаго спасенія.

Бригадирша. Такъ ты и вправду, мой батюшка, глазокъ себѣ выколоть хочешь?

Совѣтникъ. Когда все грѣшное мое тѣло заповѣдямъ супротивляется, такъ, конечно, и руки мои не столь праведны, чтобъ онѣ одни взялися исполнять писаніе; да, я страшусь теплыя вѣры твоего сожителя, страшусь, чтобъ онъ, узрѣвъ грѣхъ мой, не совершилъ на мнѣ заповѣди Божіей.

Бригадирша. Да какой грѣхъ?

Совѣтникъ. Грѣхъ, ему же вси смертныя поработилися. Каждый человѣкъ имѣетъ духъ и тѣло. Духъ хотя бодръ, да плоть немощна. Къ тому же нѣсть грѣха, иже не можетъ быти очищенъ покаяніемъ... (Съ нѣжностью). Согрешимъ и покаемся.

Бригадирша. Какъ не согрѣшить, батюшка! Единъ Богъ безъ грѣха.

Совѣтникъ. Такъ, моя матушка. И ты сама теперь исповѣдуешь, что ты причастна грѣху сему.

Бригадирша. Я исповѣдуюся, батюшка, всегда въ великій постъ на первой. Да скажи мнѣ, пожалуй, что тебѣ до грѣховъ моихъ нужды?

Совѣтникъ. До грѣховъ твоихъ мнѣ такая же нужда, какъ и до спасенія. Я хочу, чтобъ твои грѣхи и мои были одни и тѣ же, и чтобъ ничто не могло разрушить совокупленія душъ и тѣлесъ нашихъ.

Бригадирша. А что это, батюшка, совокупленіе душъ? Я церковнаго-то языка столько же мало смышлю, какъ французскаго. Вѣдь кого какъ Богъ миловать захочетъ. Иному откроетъ онъ и французскую, и нѣмецкую, и всякую грамоту; а я, грѣшная, и по-русски-то худо смышлю. Вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ не разумѣю. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумѣю. Коли чью я рѣчь больше всѣхъ разберу, такъ это своего Игнатія Андреевича. Всѣ слова выговариваетъ онъ такъ чи-

сто, такъ рѣчисто, какъ попугай... Да видалъ ли ты, мой батюшка, попугаевъ?

Совѣтникъ. Не о птицахъ предлежитъ намъ дѣло: дѣло идетъ о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?

Бригадирша. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь?

Совѣтникъ. Могу ли я просить...

Бригадирша. Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денегъ, то я всѣмъ ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы нынѣ деньги: ими никто даромъ не ссужаетъ, а для нихъ ни въ чемъ не отказываютъ. (*Здѣсь входитъ Сынъ, а они его не видятъ*).

Совѣтникъ. Не о деньгахъ рѣчь идетъ: я самъ для денегъ на все могу согласиться. (*Становится на колѣни*). Я люблю тебя, моя матушка... (*Въ самое то время, увидѣвъ Совѣтника Сына, вскочилъ; а Сынъ хохочетъ и аплодируетъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Сынъ.

Сынъ. Bravissimo! bravissimo!

Бригадирша. Что ты, Иванушка, такъ прыгаешь! Мы говорили о дѣлѣ. Ты помѣшалъ Артаману Васильчу: онъ, не знаю, чего-то у меня просить хотѣлъ.

Сынъ. Да онъ, матушка, дѣлаетъ тебѣ *déclaration en forme*.

Совѣтникъ. Не осуждай, не осужденъ будешь. (*Оторопѣвъ, выходитъ*).

Бригадирша. Иванушка! вытолкуй ты мнѣ лучше, что ты теперь сказалъ.

Сынъ. Матушка, онъ съ тобою амурится! Разумѣешь ли хотя это?

Бригадирша. Онъ амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на умѣ!

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели это неправда.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься: опомнись: вѣдь чортомъ не путяты. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Сынъ. Матушка, я вижу, ты этому не вѣришь. Да на что онъ становился на колъни?

Бригадирша. Я почемъ знаю, Иванушка. Неужели это для амура? Ахъ, онъ проклятый сынъ! да что онъ это вздумалъ?

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Совѣтница.

Сынъ. Madame! я теперь былъ свидѣтелемъ пресмѣшныя сцены. J'ai pensé crever de rire. Твой мужъ объявилъ любовь моей матушкѣ. Ха-ха-ха-ха!

Совѣтница. Не вправду ли! (*Во время рѣчи Бригадиршиной, отводитъ Сына и нѣкто шепчетъ ему*).

Бригадирша (*въ сердцахъ*). Ахъ онъ собака! Да что онъ и вправду затѣялъ? Развѣ у меня Богъ языкъ отнял? Я теперь же все расскажу Игнатью Андреичу. Пускай-ка онъ ему лобъ раскроить по-свойски. Что онъ это вздумалъ? Вѣдь я бригадирша! Нѣтъ, онъ плутъ. Не думай того, чтобъ онъ напелъ на дуру! Мнѣ, слава Богу, ума не занимать! Я тотчасъ пойду... (*Сынъ и Совѣтница ухватили ее за полы*).

Сынъ. Матушка, постой, постой...

Совѣтница. Постой, сударня.

Сынъ. Да развѣ ты, матушка, не примѣтила, что я шутилъ?

Бригадирша. Какая шутка! вѣдь я слышала, какъ ты божился.

Совѣтница. Онъ, сударня, конечно шутилъ!

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели это была не шутка.

Бригадирша. Какъ, ты и теперь также божишься, батюшка! Что за дьявольщина! да чему же вѣрить?

Совѣтница. Какъ, сударыня, вы не можете шутки отдѣлить отъ серьезнаго.

Бригадирша. Да, нельзя, мать моя: вѣдь онъ такъ божится, что мой языкъ этого и выговорить не поворотится.

Совѣтница. Да онъ, конечно, въ шутку и побожился.

Сынъ. Конечно, въ шутку. Я знавалъ въ Парижѣ, да и здѣсь превеликое множество разумныхъ людей *et même fort honnêtes gens*, которые божбу ни во что ставятъ.

Бригадирша. Такъ ты и заправду, Иванушка, шутишь?

Сынъ. Хотите ли вы, чтобъ я еще вамъ побожился?

Бригадирша. Да ты, можетъ быть, опять шутить станешь! То-то, ради Бога, не введи ты меня въ дуры.

Совѣтница. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели-бъ это была правда, я сама капабельна взбѣситься.

Бригадирша. Ну, слава Богу, что это шутка. Теперь душа моя на мѣстѣ. (*Отходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница. Ты было все дѣло и испортишь. Ну ежели бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, вѣдь бы онъ взбѣсился, и въ ту минуту увезъ отсюда и тебя съ нею.

Сынъ. *Madame*, ты меня въ этомъ простить можешь. Признаюсь, что мнѣ стурдери свойственно; а инако худо подражалъ бы я французамъ.

Совѣтница. Мы должны, душа моя, о томъ молчать, и нескромность твою я ничѣмъ бы не могла экскюзовать, еслибъ осторожность не смѣшна была въ молодомъ челоуѣкѣ, а особливо въ томъ, который былъ въ Парижѣ.

Сынъ. О, *vous avez raison!* Осторожность, постоянство, терпѣливость—похвальны были тогда, когда люди не знали, какъ должно жить въ свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, *que de vivre dans le grand monde*, мы, конечно, были

бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы.

Совѣтница. Вотъ прямыя правила жизни, душа моя! Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце, и въ Парижѣ, и въ Россіи оно обмануть не можетъ.

Сынъ. Madame, ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятіе имѣешь о сердцѣ, какъ я о разумѣ. Mon Dieu! Какъ судьбина милосердна: она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы другъ для друга.

Совѣтница. Безъ сомнѣнья, мы рождены подъ одною кометою.

Сынъ. Все несчастье мое состоитъ въ томъ только, что ты русская.

Совѣтница. Это, ангель мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сынъ. Это такой défaut, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя.

Совѣтница. Чтожъ мнѣ дѣлать?

Сынъ. Дай мнѣ въ себѣ волю. Я не намѣренъ въ Россіи умереть. Я съищу occasion favorable увезти тебя въ Парижъ. Тамо остатки дней нашихъ, les restes de nos jours, будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ французами; тамъ увидишь ты, что есть между прочими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть société.

Совѣтница. Вѣрно, душа моя! Только, я думаю, отецъ твой не согласится отпустить тебя въ другой разъ во Францію.

Сынъ. А я думаю, что и его увезу туда съ собою. Провсвѣщаться никогда не поздно; а я за то порукою, что онъ, съѣздя въ Парижъ, по крайней мѣрѣ хотя сколько нибудь на челоуѣка походить будетъ.

Совѣтница. Не то на умѣ у отца твоего. Я очень увѣрена, что онъ нашу деревню предпочтетъ и раю, и Парижу. Словомъ, онъ мнѣ дѣлаетъ свой куръ.

Бригадиръ.—«Добро, Иванъ, будетъ то время, что ты
и не такъ кобениться станешь».

(Дѣйствіе II, явленіе VII).

Сынъ. Какъ? онъ мой риваль?

Совѣтница. Я примѣчаю, что онъ смертно влюбленъ въ меня.

Сынъ. Да знаетъ ли онъ право честныхъ людей? Да вѣдаетъ ли онъ, что за это дерутся?

Совѣтница. Какъ, душа моя, ты и съ отцомъ подраться хочешь?

Сынъ. Et pourquoi non! Я читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бишь ее зовутъ... le nom m'est échappé, да... въ книгѣ „Les sottises du temps“, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль... а я, или я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилось въ Парижѣ?

Совѣтница. Твой отецъ очень смѣшонъ... такіе дураки... ахъ! какъ онъ легокъ на поминѣ-то... вотъ онъ и идетъ!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Бригадиръ.

Бригадиръ. Я уже началъ здѣсь хозяйничать. Пришелъ звать васъ къ столу. Да что ты, матушка, разговорилася съ моимъ повѣсою? А ты что здѣсь дѣлаешь? Ты долженъ быть со своею невѣстою.

Сынъ. Батюшка, я здѣсь быть хочу.

Бригадиръ. Да я не хочу.

Совѣтница. Да вамъ, сударь, какое до того дѣло.

Бригадиръ. Миѣ не хочется, матушка, чтобъ онъ тебѣ болтаньемъ своимъ не наскучилъ. Я лучше бы хотѣлъ самъ съ тобою поговорить о дѣлѣ.

Совѣтница. Говорите, что вамъ угодно.

Бригадиръ. Миѣ угодно, чтобъ сынъ мой былъ отъ васъ подалѣ: онъ вамъ наскучить.

Совѣтница. Нѣтъ, сударь, мы очень весело безъ васъ время проводили.

Бригадиръ. Да я безъ тебя скучаю. (*Взглянувъ на Сына*)
Поди ты вонъ, повѣса!

Совѣтница (къ Сыну). Когда время идти къ столу, такъ поидемъ. (*Подаетъ ему руку; онъ ведетъ ее жеманясь, а Бригадиръ, идучи за нимъ, говоритъ*):

Бригадиръ. Добро, Иванъ, будетъ то время, что ты и не такъ кобениться станешь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Бригадиръ и Сынъ.

Бригадиръ. Слушай, Иванъ, я рѣдко смолоду краснѣлъ, однако, теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ-было.

Сынъ. Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотять меня женить на русской?

Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако, духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

Бригадиръ. Однако, ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоёмъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ. Я тебя называлъ дуракомъ, а ты думаешь, что я лъщу тебѣ: эдакой осель!

Сынъ. Эдакой осель! (*Въ сторону*) Il ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous le repète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прощу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur.

Бригадиръ. Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну, кстати ли отцу съ сы-

номъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того, по крайней мѣрѣ, не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ. Je m'en moque.

Бригадиръ. Что это за манюкъ?

Сынъ. То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ. Я его забываю; а вы забываете то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ...

Бригадиръ. О, ежели-бъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое подлежить, по нашему военному уставу, прогнать тебя спиц-рутенюмъ.

Сынъ. Батюшка! вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ. Твоя правда, не къ чему; а впередъ, какъ ты что нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякій галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно, не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда бить не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ. Эдакой уродъ! Отца примѣнилъ къ медвѣдю: развѣ я на него похожъ?

Сынъ. Такъ нѣтъ развѣ? Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надю мною властвовать?

Бригадиръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ. Это къ чему? Конечно, всё, отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте: ежели всё животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣститъ себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ уважать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ уважениемъ?

Бригадиръ. Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако, я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Эдакой скосыръ выѣхалъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Бригадирша.

Бригадирша. Что за шумъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку. Не потерялъ ли ты чегонибудь?

Бригадиръ. И очень много! Пропажа не мала.

Бригадирша (*затыхалась*). Что за бѣда! Что такое?

Бригадиръ. Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша (*отдыхая*). Тыфу, какая пропасть! Слава Богу! Я было обмерла, испугалась! думала, что и впрямь, не пропало-ль чтонибудь.

Бригадиръ. А развѣ умъ-то ничто?

Бригадирша. Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ, батюшка? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ. Безъ него! А безъ него нажила ты вотъ этого уроду; не говаривалъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служба въ полку,

ума набирается, какъ то я дѣлывалъ, а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшка! нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой! — Вотъ, мать моя, вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнили меня къ кобелю; не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ (*звѣсть*). *Quelles espères!*

Бригадиръ. Вотъ, говори ты съ нимъ, пожалуй, а опъ лишь ротъ деретъ. Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Совѣтница.

Совѣтница. Что ты, сударь, затѣялъ? Возможно ли, чтобъ я стерпѣла здѣсь такое barbarie?

Бригадиръ. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Совѣтница. Какъ, вы хотите поучить немного вашего сына, вылома у него два ребра?

Бригадиръ. Да, вѣдь, матушка, у него не только что два ребра; ежели я ихъ и выломлю, такъ съ него еще останется. А для меня все равно, будутъ ли у него тѣ два ребра или не будутъ.

Бригадирша. Вотъ, матушка, какъ онъ о рожденіи своемъ говорить изволитъ.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ*). *C'est l'homme le plus bourru que je connais.*

Совѣтница. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша къ сыну вашему меня беспокоитъ?

Бригадиръ. А я, матушка, думалъ, что грубость его ко мнѣ васъ беспокоитъ.

Совѣтница. Ни мало. Я не могу терпѣть пристрастія. Мериты должны быть всегда уважаемы; конечно, вы не видите достоинствъ въ вашемъ сынѣ.

Бригадиръ. Не вижу! Да скажите же вы мнѣ, какія достоинства вы въ немъ видите?

Совѣтница. Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ въ Парижѣ?

Бригадирша. Только-ль, матушка, что въ Парижѣ! Онъ былъ еще во Франціи. Шутка-ль это!

Бригадиръ. Жена, не полно-ль тебѣ врать?

Бригадирша. Вотъ, батюшка, правды не говори тебѣ.

Бригадиръ. Говори да не ври.

Совѣтница (къ *Бригадиру*). Вы, конечно, не слыхивали, какъ онъ былъ въ Парижѣ принять.

Бригадиръ. Онъ этого сказать мнѣ до сихъ поръ еще не смѣлъ, матушка.

Совѣтница. Скажите лучше, что не хотѣлъ; а ежели я васъ, *monsieur*, прошу теперь, чтобъ вы о свосемъ вояжѣ что нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?

Сынъ. De tout mon coeur, *madame*; только въ присутствіи батюшки мнѣ неспособно исполнить вашу волю. Онъ забудеть, помѣшаетъ, остановить...

Совѣтница. Онъ для меня этого, конечно, не сдѣлаеть.

Бригадиръ. Для васъ, а ни для кого больше на свѣтѣ, я молчать соглашаюсь, и то пока мочь будетъ. Говори, Иванъ.

Сынъ. Съ чего-жь начать? *par où commencer?*

Совѣтница. Начните съ того, чѣмъ вамъ Парижъ понравился и чѣмъ вы, *monsieur*, понравились Парижу.

Сынъ. Парижъ понравился мнѣ, во-первыхъ, тѣмъ, что всякій отличается въ немъ своими достоинствами.

Бригадиръ. Постой, постой, Иванъ! Ежели это правда, то какъ же ты понравился Парижу?

Совѣтница. Вы обѣщали, сударь, не мѣшать ему. По крайней мѣрѣ, вы должны учтивостью дамамъ, которыя хотятъ слушать его, а не васъ.

Бригадиръ. Я виновать, матушка, и для васъ, а ни для кого болѣе молчать буду.

Совѣтница (къ *Сыну*). Продолжайте, *monsieur*, continuez.

Сынъ. Въ Парижѣ всѣ почитали меня такъ, какъ я заслуживаю. Куда бы я ни приходилъ, вездѣ или я одинъ го-

вориль, или всѣ обо мнѣ говорили. Всѣ моимъ разговоромъ восхищались. Гдѣ меня ни видали, вездѣ у всѣхъ радость являлась на лицахъ, и часто, не могли ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ, что они обо мнѣ думаютъ.

Совѣтница (*Бригадиру*). Не должны ли вы прійти въ восхищеніе? Я, ничѣмъ не будучи обязана, я отъ словъ его въ восторгѣ.

Бригадирша (*плача*). Я безъ ума отъ радости. Богъ привелъ на старости видѣть Иванушку съ такимъ разумомъ.

Совѣтница (*Бригадиру*). Что-жъ вы ничего не говорите?

Бригадиръ. Я, матушка, боюсь васъ прогнѣвать, а безъ того бы я, конечно, или засмѣялся, или заплакалъ.

Совѣтница. Continuez, душа моя.

Сынъ. Во Франціи люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то есть не русскіе.

Совѣтница. Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако, я о Франціи получила уже отъ тебя изрядную идею. Неправда ли, что во Франціи живутъ по большей части французы?

Сынъ (*съ восторгомъ*). Vous avez le don de deviner.

Бригадирша. Какъ же, Иванушка! неужели тамъ люди-то не такіе, какъ мы всѣ русскіе?

Сынъ. Не такіе, какъ вы, а не какъ я.

Бригадирша. Для чего же? Вѣдь и ты мое рожденіе.

Сынъ. N'importe! Всякій, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про русскихъ, не включать себя въ число тѣхъ, затѣмъ, что онъ уже сталъ больше французъ, нежели русскій.

Совѣтница. Скажи мнѣ, жизнь моя: можно-ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они русскіе.

Сынъ. Totalement—нельзя. Это не такое несчастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено. Однако,

нельзя и того сказать, чтобъ оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ, какъ сонъ, какъ illusion.

Бригадиръ (*къ Совѣтницѣ*). Матушка, позволь мнѣ одно слово на все ему сказать.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ*). C'est m'excède, je me retire (*Выходитъ*).

Бригадирша (*къ Совѣтницѣ*). Что онъ, матушка, это выговорилъ? Не занемогъ ли Иванушка, что онъ такъ опрометью отсюда кинулся. Пойти посмотрѣть-было.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Бригадиръ, Совѣтница.

Совѣтница. Вотъ что вы сдѣлали! Вы лишили меня удовольствія слышать исторію вашего сына и цѣлаго Парижа.

Бригадиръ. А я бы думалъ, что я избавилъ тебя отъ неудовольствія слышать дурачества. Развѣ, матушка, тебѣ угодно шутить надъ моимъ сыномъ?

Совѣтница. Развѣ вамъ, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадиръ. Надъ тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтобы меня ту минуту артибузировали, въ которую помышляю я о тебѣ худо.

Совѣтница. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму.

Бригадиръ. Не за что, матушка.

Совѣтница. Вашъ сынъ, я вижу, страждетъ отъ вашихъ грубостей.

Бригадиръ. Теперь для васъ ему спускаю; однако, рано или поздно я изъ него французскій духъ выпшибу; я вижу, что онъ и вамъ уже скучень.

Совѣтница. Вы ошиблись. Перестаньте грубить вашему сыну. Вѣдаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадиръ. Какими?

Совѣтница. Развѣ вы глухи? Развѣ вы безчувственны были, когда онъ рассказывалъ о себѣ и о Парижѣ?

Бригадиръ. Я бы хотѣлъ такъ быть на этотъ разъ, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изволите: рассказы его пустошь. Онъ хотя и мой сынъ, однако, таить нечего: гдѣ онъ былъ? въ какихъ походахъ? на которой акціи? А ежели ты охотница слушать и впрямь что нибудь пріятное, то прикажи мнѣ: я тебѣ въ одинъ мигъ расскажу, какъ мы турковъ наповаль положили; я не жалѣлъ басурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако, все не такъ опасно, какъ теперь?

Совѣтница. Какъ теперь? Что это такое?

Бригадиръ. Это то, о чемъ я, матушка, съ тобой давно уже поговорить хотѣлъ, да проклятый сынъ мой съ бездѣлками своими мѣшалъ мнѣ всякій разъ, и ежели тебѣ угодно, то я его завтра же за это безъ живота сдѣлаю.

Совѣтница. За что, сударь, хотите вы его такъ изувѣчить?

Бригадиръ. За то, что, можетъ быть, безъ него я давно бы тебѣ сказалъ мой секретъ и взялъ бы отъ тебя отвѣтъ.

Совѣтница. Какой секретъ? Какой отвѣтъ?

Бригадиръ. Я чиновъ не люблю, я хочу одного изъ двухъ: да или нѣтъ.

Совѣтница. Да чего вы хотите? Что вы такъ перемѣнились?

Бригадиръ. О, ежели бы ты знала, какая теперь во мнѣ тревога, когда смотрю я на твои бодрыя очи.

Совѣтница. Что это за тревога?

Бригадиръ. Тревога, которой я гораздо больше опасаясь, нежели идучи противъ цѣлой непріятельской арміи. Глаза твои мнѣ страшнѣе всѣхъ пуль, ядеръ и картечей. Одинъ первый ихъ выстрѣлъ прострѣлилъ уже навывлетъ мое сердце, и прежде, нежели они меня ухлопаютъ, сдаюся я твоимъ военноплѣннымъ.

Совѣтница. Я, сударь, дискуру твоего вовсе не понимаю, и для того, съ позволенія вашего, я васъ оставляю.

Бригадиръ. Постой, матушка! Я тебѣ вытолкую все го-

раздо яснѣе. Представь себѣ фортецію, которую хочеть взять храбрый генераль: что онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь п я. Я, какъ храбрый полководецъ, а ты моя фортеція, которая какъ ни крѣпка, однако все брешу въ нее едѣлать можно.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, Совѣтникъ и Добролюбовъ.

Совѣтникъ (*къ Добролюбову*). Такъ дѣло твое уже рѣшено? Добролюбовъ. Рѣшено, сударь.

Бригадиръ. О, чортъ ихъ побери! Который разъ принимаюсь, да не дадутъ кончить!

Совѣтница. Что-жъ вы, сударь?

Бригадиръ. Матушка, это не такое дѣло, о которомъ бы я говорить могъ при вашемъ сожителѣ. (*Выходя*) Я съ досады тресну.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Совѣтникъ, Добролюбовъ, Совѣтница.

Совѣтникъ. Да ты какъ рано о дѣлѣ своемъ свѣдалъ? Добролюбовъ. Сейчасъ.

Совѣтница. Какъ, вы вашъ процессъ выиграли?

Добролюбовъ. Такъ, сударыня; состояніе мое гораздо поправилось. Я имѣю двѣ тысячи душъ.

Совѣтникъ. Двѣ тысячи душъ! О, Создатель мой, Господи! и при такихъ достоинствахъ! Ахъ, какъ же ты теперь почтенія достоинъ!

Совѣтница. Да не были ли вы притомъ и въ Парижѣ?

Добролюбовъ. Нѣтъ, сударыня.

Совѣтница. Жаль: это одно все мериты помрачить можетъ.

Совѣтникъ. Однако, ежели у кого есть двѣ тысячи душъ, то, мнѣ кажется, онѣ все пороки наградить могутъ. Двѣ тысячи душъ и безъ помѣщичьихъ достоинствъ всегда двѣ тысячи душъ, а достоинства безъ нихъ — какія къ чорту

достоинства! Однако, про насъ слово: чудно мнѣ, что ты такъ скоро могъ выходить свое дѣло и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

Добролюбовъ. Ваша правда. Корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло всѣ предѣлы. Кажется, что нѣтъ такихъ запрещеній, которыя ихъ унять бы могли.

Совѣтникъ. А я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это—противъ натуры человѣческой... Какъ же ты дошелъ до того, что наконецъ дѣло твое рѣшено стало?

Добролюбовъ. Мы счастливы тѣмъ, что всякій, кто не находитъ въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, можетъ идти, наконецъ, прямо къ высшему правосудію. Я принялъ смѣлость къ оному прибѣгнуть, — и судьи мои принуждены были строгимъ повелѣніемъ рѣшить мое дѣло.

Совѣтникъ. Хорошо, что твое дѣло право, такъ ты могъ идти далѣе; ну, а ежели бы оно было не таково, какъ бы ты далѣ-то съ нимъ пошелъ?

Добролюбовъ. Я бы не только не пошелъ тогда далѣе, да и не сталъ бы трудить судебное мѣсто.

Совѣтникъ. Такъ хорошее ли это дѣло? А въ мое время всякій и съ правымъ, и неправымъ дѣломъ шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьей, получить милостивую резолюцію. Въ мое время далѣ не совались. У насъ была пословица: „до Бога—высоко, до царя—далеко“.

Совѣтница (*къ Добролюбову*). Мнѣ кажется, что вамъ время уже себя эстаблировать, время жениться.

Добролюбовъ. Я ни на комъ жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

Совѣтникъ. Другъ мой сердечный, ты былъ недостаточенъ, да къ тому же и мои обстоятельства не таковы.

Совѣтница. Я, съ моей стороны, никогда въ вашемъ сватовствѣ не препятствовала.

Добролюбовъ. Однако, я уже льститься могу...

Совѣтникъ. Теперь мнѣ ни того, ни другого сказать нельзя. Пойдемъ-ка лучше, да выпьемъ по чашкѣ чаю. Послѣ объѣда о дѣлахъ говорить неловко. Я всегда интересныя дѣла рѣшалъ по утрамъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ. Я великую надежду имѣю къ совершенію нашего желанія.

Софья. А я не смѣю еще ласкаться ею. Съ тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка измѣняетъ моей мачихѣ, то и перемѣна состоянія твоего не можетъ перемѣнить его намѣренія.

Добролюбовъ. Однако, я видѣлъ, съ какимъ чувствіемъ услышалъ онъ вѣсть о рѣшеніи дѣла моего въ пользу мою. Я также мыслей своихъ отъ тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отецъ твой любитъ богатство, а корыстолюбіе дѣлаетъ изъ человѣка такія же чудеса, какъ и любовь.

Софья. Со всѣмъ тѣмъ корыстолюбіе рѣдко любовь побѣждаетъ. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтобъ судьба моя съ твоей соединилась; я, однако, и тѣмъ однимъ уже утѣшаюсь, что твое состояніе поправилось.

Добролюбовъ. Мое состояніе до тѣхъ поръ несчастно будетъ, пока не исполнится мое главнѣйшее желаніе. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ оно. Тебѣ извѣстно мое сердце...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Бригадирша.

Добролюбовъ (*видя, что Бригадирша слезы утираетъ*).
О чемъ вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!

Софья Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу, и ворогу идти замужъ.

Софья. Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я женою была вашего сына?

Бригадирша. Тебѣ, матушка, для чего за него нейти? Я сказала такъ про себя.

Добролюбовъ. Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бригадирша. И вѣдомо.

Софья. Какъ же это: то про себя, то про всѣхъ? Скажите, матушка, чтонибудь одно.

Бригадирша. Ты изволь говорить; а мнѣ что?

Добролюбовъ. Что же вамъ угодно?

Бригадирша. Ничего. Я пришла сюда такъ, поплакать въ свою волю.

Софья. Да о чемъ же?

Бригадирша (*плача*). О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатій Андреевичъ напади на меня ни за что, ни про что. Ругаль, ругаль, а Господь вѣдаетъ за что. Ужъ я у него стала и свинья, и дура; а вы сами видите, дура ли я?

Добролюбовъ. Конечно, видимъ, сударыня.

Софья. Да за что онъ такъ на васъ теперь напалъ?

Бригадирша. Такъ, слово за слово. Онъ же такого крутого нрава, что упаси Господи; того и смотрю, что рѣзнетъ меня чѣмъ ни попало; разсуди же, моя матушка, вѣдь долго-ль до бѣды: раскроить черепъ разомъ! Послѣ и спохватится, да ни что сдѣлаешь.

Добролюбовъ. Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

Бригадирша. До лихого часу долго ли?

Софья. Неужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ него уже и терпѣли на это похожее?

Бригадирша. То нѣтъ, моя матушка. Этого еще не бывало, чтобъ онъ убилъ меня до смерти. Нѣтъ, нѣтъ еще!

Добролюбовъ. Объ этомъ, сударыня, вась никто и не спрашиваетъ.

Софья. Довольно, ежели онъ имѣлъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бригадирша. То онъ силенъ, матушка. Однажды, и то безъ сердцовъ, знаешь, въ шутку, потолкнулъ онъ меня въ грудь, такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: такъ глазки подъ лобъ и закатились, — не взвидѣла свѣта Божьяго?

Софья. И это было въ шутку!

Бригадирша. Насилу отдохнула; а онъ—мой батюшка—хохочетъ да тѣшится.

Добролюбовъ. Изрядный смѣхъ!

Бригадирша. Недѣль черезъ пять, шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть-было-чуть Богу души не отдала безъ покаянія.

Добролюбовъ. Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть-было вась на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бригадирша. Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ бывало нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная, изрядная молодка. Какъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмельной: такъ, вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси за что. Ну, мы, наше сторона дѣло, а и то наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о томъ, что возмущаетъ челоѳчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь, каково же было терпѣть капитаншѣ?

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница (*Сыну*). Не угодно ли сыграть партію въ карты?

Сынъ. Съ великою охотою, avec plaisir.

Совѣтница. Такъ велѣть подать карты. Лакей! столъ и карты. (*Къ Добролюбову*) Не изволите ли вы здѣсь партію въ кадрили?

Добролюбовъ. Ежели вамъ угодно. (*Между тѣмъ ставятъ столъ и подаютъ карты*).

Сынъ (*разбираетъ карты и подаетъ каждому по картѣ для мѣсть. Къ Совѣтницѣ*) Madame! (*Къ Бригадиршѣ*) Madame!

Бригадирша. Это на что, Иванушка? Да коли играть, такъ всё раздай. Развѣ, мой батюшка, нинѣ по одной карточкѣ играютъ?

Сынъ. Это для мѣсть.

Бригадирша. И! Мнѣ и такъ, по милости хозяйской, мѣсто будетъ.

Сынъ. Матушка, берите же.

Бригадирша. Да что мнѣ, батюшка, въ одной карточкѣ?

Совѣтница. Играете ли вы въ кадрили, сударыня?

Бригадирша. И, мать моя! я и слухомъ не слыхала, что это.

Совѣтница (*къ Софьѣ*). Такъ возьмите вл.

Сынъ. Mademoiselle! (*Подаетъ и всѣ садятся. Между тѣмъ какъ Сынъ сдаетъ карты*).

Бригадирша. А я сяду, матушка, да посмотрю на васъ, какъ вы забавляетесь.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ. Ба! здѣсь и картежъ завели!

Совѣтникъ. А ты не изволишь ли со мною игорку въ шахматы, въ большую?

Бригадиръ. Давай, бери. (*Садятся на другомъ концѣ. Между тѣмъ какъ Советникъ съ Бригадиромъ выступаютъ и одинъ другому говоритъ: я такъ, а тотъ ему: а я такъ.*)

Советница. Въ керахъ волю.

Сынъ. Passe (*и всѣ пасуютъ*).

Советница. Они и они.

Бригадирша. Что за околесица—они и они? кто это они?

Советникъ (*услышавъ ея вопросъ*). Нынѣ, матушка, всѣхъ игоръ и не разберешь, въ которыя люди тѣшиться изволятъ.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка, ужъ чего нынѣ не выдумаютъ. Они и они! Куды мудренъ народъ! (*Заглянувъ къ Сыну въ карты*) Ахъ, Иванушка, какъ на рукахъ-то у тебя жлудей, жлудей!

Сынъ. Матушка, я брошу карты, je les jette par terre.

Советница. И впрямь, сударня, вы бы могли это держать только на умѣ... Рекизъ!

Бригадиръ (*вслушавшись въ рѣчь Советницы*). На умѣ? Было бы на чемъ!.. Шахъ!

Советникъ. Плохо, плохо мнѣ приходитъ.

Бригадиръ. Не шути, сватушка.

Сынъ (*показавъ карты*). Санрандеръ шесть матедоровъ.

Бригадирша. Что, мой батюшка, что ты сказалъ? мададуры? Вотъ нынче стали играть и въ дуры, а бывало, такъ все въ дураки игравали.

Советникъ. Такъ, матушка моя, мало ли чего бывало, и ничего нѣтъ,—чего не бывало, и что есть.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка. Бывала и я въ людяхъ, а нынѣ—что ужъ и говорить—старость пришла, ужъ и памяти нѣтъ.

Бригадиръ. А ума не бывало.

Сынъ (*поетъ французскую пѣсню. Советница пристаетъ къ нему. Къ Советницѣ*) Madame, мы оба беты. Матушка, пропойте-ка вы намъ какойнибудь эръ.

Бригадирша. Что пропѣть? И, мой батюшка, голосу нѣтъ; духъ занимаетъ... Да что это у васъ за игра идетъ? Я не разберу, хоть ты меня зарѣжь. Бывало, какъ мы заведемъ игру, такъ или въ марьяжъ, или въ дураки; а всего веселѣй, бывало, въ хрюшки. Раздадутъ по три карточки; у кого пикусъ, тотъ и вышелъ, а кто останется, такъ дранье такое подымутъ, что животики надорвешъ.

Совѣтникъ (*смѣется съ нѣжностью*). Ха-ха-ха! Я самъ игрывалъ, бывало, и, помнится мнѣ, при всякой картѣ разныя забавы.

Добролюбовъ. Медиаторъ.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка! (*Схватила одну карту и подбѣжала къ Совѣтнику*). Вотъ, бывало, коли кто виноватъ, такъ и скажутъ: съ той стороны не проси воть этого, а съ этой этого; а потомъ (*держа въ руку карты, однимъ пальцемъ шмыкаетъ. Между тѣмъ Совѣтникъ останавливаетъ игру въ шахматы и смотритъ на нее съ нѣжностью*) тотъ и выглядываетъ карточку; а тамъ до этой карты и пойдетъ за всякую дранье; тамъ разно: краля по щекъ, хлопъ за ухо волокъ.

Бригадиръ. Жена, давай-ка со мною въ хрюшки! (*Встаетъ. Къ Совѣтнику*) Воля твоя, мы эдакъ вѣкъ не кончимъ.

Сынъ. Pardieu! Матушка, куда ты карты дѣвала?

Бригадирша. Здѣсь, Иванушка.

Сынъ (*вскоча*). Il est impossible de jouer. (*Всѣ встаютъ*).

Бригадирша. Да я вамъ что, мой батюшка, помѣшала? Вѣдь у васъ есть карты, да еще и съ тройками.

Бригадиръ. Слушай, жена: ты куда ни придешь, вездѣ напраказишь.

Бригадирша. Да тебѣ, мой батюшка, чѣмъ я помѣшала? Ты бы зналъ выступалъ своей игрой. Вѣдь къ нему подошла (*указывая на Совѣтника*), а не къ тебѣ.

Бригадиръ. У кого нѣтъ ума, тотъ, подошедши къ одному, всѣмъ помѣшать можетъ.

Бригадирша. Вотъ такъ: я же виновата стала.

Сынъ. Матушка, да развѣ я виноватъ? (*Указывая на Добролюбова*) ou ce monsieur? (*указывая на женщинъ*) ou ces dames?

Совѣтникъ. Полно, зятюшка: тебѣ бы и грѣшно было упрекать рождшую.

Совѣтница. А вамъ стыдно, сударь, не въ ваши дѣла вступаться.

Бригадиръ. Я, свать, тебя люблю; а съ женою моею, пожалуй, ты не мири меня. Развѣ ты, свать, не вѣдаешь пословицы: „свои собаки грызутся, чужая не приставай“.

Сынъ. Такъ, батюшка, всѣ пословицы справедливы, а особливо французскія. Не правда ли (*къ Добролюбову*), monsieur?

Добролюбовъ. Я знаю много и русскихъ очень справедливыхъ; (*къ Софьѣ*) не правда ли, сударыня?

Софья. Правда.

Сынъ (*къ Софьѣ*). А какія-жъ?

Софья. Напримѣръ, сударь: „ври дуракъ что хочешь, со вранья пошлннъ не берутъ“.

Бригадиръ. Такъ, матушка, ай люблю! Вотъ тебѣ пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иванъ, чтобъ я отгадалъ ее, такъ дуракъ-отъ выйдешь ты.

Сынъ. Par quelle raison?

Совѣтница. По какому резону?

Бригадиръ. По такому, матушка, что онъ вретъ безпошлинно.

Бригадирша. Слава Богу, милость Божія, что на вранье-то пошлннъ нѣтъ. Вѣдь куда бы какое всѣмъ намъ было разореніе!

Бригадиръ. А особливо тебѣ: ты бы часовъ въ пять-шесть пошла по міру.

Совѣтникъ. Не гнѣвайся, матушка, на своего супруга, на него сегодня худой стихъ нашель.

Бригадирша. И, мой батюшка, мнѣ-ль сердиться, когда онъ гнѣвается; мое дѣло убираться теперъ далѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ, Сынъ, Софья.

Бригадиръ. Дѣло и сдѣлала.

Совѣтница. (*Къ Софью*) Поди-жь, сударыня, къ своей свекрови. Вѣдь ей не одной сидѣть тамо.

Софья. Иду, сударыня. (*Отходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ и Сынъ.

Совѣтникъ. Воля твоя, братецъ! Ты весьма худо поступаешь съ своею супругою!

Бригадиръ. А она весьма худо со мной.

Совѣтница. Чѣмъ же, сударь?

Бригадиръ. Тѣмъ, матушка, что она не къ мѣсту печальна, не къ добру весела: зажилась, грѣха много, не кстати?

Совѣтникъ. Какъ не кстати? Что-жь ты и заправду, сватушка? Дай Богъ ей многолѣтнее здоровье и долгиѣ вѣки. Съ умомъ ли ты! кому ты желаешь смерти!

Сынъ. Желать смерти никому не надобно, mon cher père, ниже собакѣ, не только моей матушкѣ.

Бригадиръ. Иванъ, не учи ты меня. Я хотя это и молвилъ, однако, все больше ей хочу добра, чѣмъ ты намъ обоемъ.

Сынъ. Я васъ не учу, а говорю правду.

Бригадиръ. Говори ее тогда, когда спрашиваютъ.

Совѣтница. Для чего же вы говорите ему тогда, когда онъ васъ не спрашиваетъ.

Бригадиръ. Для того, матушка, что онъ мой сынъ; каково же мнѣ будетъ, когда люди станутъ говорить, что у такого-то бригадира, человѣка заслуженнаго, есть сынъ негодница?

Сынъ. Батюшка, я негодница; je vous demande pardon; я такой сынъ, по которомъ свѣтъ узнаетъ васъ больше, нежели по вашемъ бригадирствѣ! Вы, monsieur (*къ Добролюбову*),

конечно, сами знаете много дѣтей, которыя дѣлають честь своимъ отцамъ.

Добролюбовъ. А еще больше такихъ, которыя имъ дѣлають безчестье. Правда и то, что всему причиной воспитаніе.

Бригадиръ. Такъ, государь мой, правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще гаже.

Совѣтникъ. Э! Господа Бога не боишься ты, сватушка; за что ругаешь ты такъ свою супругу, которая можетъ назваться вмѣстилищемъ человѣческихъ добродѣтелей?

Бригадиръ. Какихъ?

Совѣтникъ. Она смирна яко агнецъ, трудолюбива яко пчела, прекрасна яко райская птица (*вздыхая*) и вѣрна яко горлица.

Бригадиръ. Развѣ умна какъ корова, прекрасна какъ бы кто... какъ сова.

Совѣтникъ. Какъ дерзаешь ты примѣнить свою супругу къ ночной птицѣ?

Бригадиръ. Денную дурѣ къ ночной птицѣ примѣнить, кажется, можно.

Совѣтникъ (*вздыхая*). Однако, она все тебѣ вѣрна пребываетъ.

Совѣтница. Въ самомъ дѣлѣ, много въ ней добродѣтели, если она васъ любитъ.

Бригадиръ. Да кого же ей любить-то, ежели не меня? Мнѣ дурно самому хвастать; а право я, кажется, благодаря Бога, заслужилъ мой чинъ вѣрой и правдой, то есть она по мнѣ стала бригадиршей, а не я по женѣ бригадиръ; это въ нынѣшнемъ свѣтѣ примѣнить надобно. Такъ какъ же ей другого-то и полюбить можно? А кабы я не таковъ былъ, тогда посмотрѣлъ бы на добродѣтель; а особливо когда бы искалъ въ ней кто нибудь также изъ нашей братьи первыхъ пяти классовъ.

Совѣтникъ. Нѣтъ, братецъ, не говори того: супруга

твоя во-истину не такова. Да не похвалится всяка плоть передъ Богомъ; а хотя бы достойный и предостойный человекъ поискалъ въ ней, право бы ничего не нашель. Вѣдь это, мой другъ, не городъ, — штурмомъ не возьмешь.

Бригадиръ. Ты говоришь это, а я знаю, каковъ я.

Сынъ. Что-жъ вы, батюшка? Ха-ха-ха-ха, неужели вы думаете сердце взять штурмомъ?

Бригадиръ. Иванъ! мнѣ кажется, нѣтъ ли теперь штурма въ твоей головушкѣ? Не можно ли потише?

Совѣтница. Вы сами шумѣтъ больше всѣхъ любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтобъ сынъ вашъ не говорилъ того, что онъ думаетъ? Вы ужасъ, какъ бизарны! (*Къ Сыну и Добролюбову*) Messieurs! я хочу оставить ихъ продолжать важные ихъ дискурсы и васъ прошу сдѣлать то же.

Сынъ. Я иду за вами. Adieu, messieurs!

Добролюбовъ. Я волѣ вашей повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бригадиръ и Совѣтникъ.

Совѣтникъ. И жена моя уже примѣтила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадиръ. Нѣтъ; а я примѣтилъ, что она слишкомъ горячо вступается за моего сына.

Совѣтникъ. Я того не примѣчаю.

Бригадиръ. Тѣмъ хуже.

Совѣтникъ. А что же?

Бригадиръ. Ничего, свать; однако, я моей женѣ не советоваль бы за чужого дѣтину такъ при мнѣ вступаться.

Совѣтникъ. Ты думаешь, братецъ, что и я спустилъ бы женѣ моей, ежели-бъ усмотрѣлъ я что нибудь у нея благое на умѣ... Слава Богу, у меня глаза-то есть; я не изъ тѣхъ мужей, которые смотрять, да не видять.

Бригадиръ. Я, съ моей стороны, спокоенъ: жена моя другого не полюбитъ.

Совѣтникъ. Цѣломудріе ея извѣстно тому, кто, по несчастію, ослѣпленъ ея прелестями.

Бригадиръ. Однако, такого дурака нѣтъ на свѣтѣ, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

Совѣтникъ. Да что же ты бранишься?

Бригадиръ. Кого? Нѣтъ, братецъ. Я говорю, что эдакаго скота не родилось, который бы вздумалъ искать въ моей женѣ...

Совѣтникъ. Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься моею женою?

Совѣтникъ. Будто ты и не бранишься? (*Съ сердцемъ*) Почему же тотъ дуракъ, который бы плѣнился Акулиной Тимоѣевной?

Бригадиръ. Потому что она дура.

Совѣтникъ. А она такъ разумна, что всѣ ея слова напечатать можно.

Бригадиръ. Для чего не напечатать! Я слыхалъ, свать, что въ нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ врутъ не умнѣ жены моей.

Совѣтникъ. Возможно ли тому стать, чтобъ въ книгахъ ввали? Да вѣдаешь ли ты, братецъ, что печатному-то надлежитъ вѣрить всѣмъ намъ православнымъ? Видно, вѣра-то у насъ пошатнулась; еретиковъ стало больше.

Бригадиръ. А мнѣ кажется, что много печатнаго вздору у насъ не оттого, чтобъ больше стало еретиковъ, а развѣ оттого, что больше стало дураковъ. Вѣдь я, говоря о женѣ моей, не говорю того, чтобъ она всѣхъ была глупѣ.

Совѣтникъ. А я говорю о твоей супругѣ и всегда скажу, что нѣтъ ея разумнѣ.

Бригадиръ. Хотя бы мнѣ съ досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Совѣтникъ. Всякому, братецъ, въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Я въ своей женѣ много вижу, чего ты не видишь.

Бригадиръ. Положимъ, что это правда; однако и то не ложь, что и я въ супругѣ твоей также многое теперь вижу, чего ты не видишь.

Совѣтникъ. А что бы такое?

Бригадиръ. То, что ты, можетъ быть, увидишь, да поздно.

Совѣтникъ. Я знаю, братецъ, къ чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моей женою; однако, для счастья мужей, дай Господи Боже, чтобъ всѣ жены таковы цѣломудренны были, какъ моя.

Бригадиръ. Женщины обыкновенно бываютъ цѣломудренны съ людьми заслуженными, а съ повѣсами рѣдко.

Совѣтникъ. Мудрено, братецъ Игнатій Андреевичъ, меня обмануть.

Бригадиръ. А всего мудренѣе, ежели я въ этомъ обманываюсь.

Совѣтникъ. Мы оба, кажется, не таковы, чтобъ наши жены могли отъ насъ полюбить чужого мужика. Я съ первою женою жилъ лѣтъ съ пятнадцать и могу, благодаря Бога, сказать, что она такъ же жила, какъ и эта. Я въ женахъ не безсчастенъ.

Бригадиръ. Разумѣю.

Совѣтникъ. Жена, какая бы ни была, да только ежели у добраго мужа, то ей и па умъ не впадетъ полюбить другого.

Бригадиръ. Не говори, братецъ. Со мною служилъ въ одномъ полку секундъ-майоромъ—до имени нужды нѣтъ—мужикъ не дуракъ и на взглядъ дѣтина добръ. Ростомъ чуть не вдвое меня выше...

Совѣтникъ. Этому статься нельзя, братецъ...

Бригадиръ. Однако я не лгу. Въ мое время, когда я еще былъ помоложе, народъ былъ гораздо крупнѣе.

Совѣтникъ. Только все не такъ крупенъ, какъ ты сказываешь. Правда, что и въ нашей коллегіи былъ канцеляристъ одинъ, чуть не впятеро меня толще...

Бригадиръ. Этому статья нельзя, братецъ...

Совѣтникъ. Конечно, такъ. Когда я былъ въ коллегіи, тогда, отъ президента до сторожа, всѣ были люди дородные.

Бригадиръ. Ты, братецъ, перебилъ только рѣчь мою. Да о чемъ бишь я тебѣ хотѣлъ сказывать?

Совѣтникъ. Право, не знаю.

Бригадиръ. И я не вѣдаю... о чемъ бишь... да, о секундъ-маіорѣ. Онъ былъ мужикъ предорогой; дѣльный полкъ зналъ, что жена его любила нашего полковника, подполковника, премьеръ-маіора, или, лучше сказать, всѣ вѣдали, что изъ нашихъ штабъ и оберъ-офицеровъ не любила она одного его; а онъ, собачій сынъ, и мыслить не хотѣлъ, чтобъ она, кромѣ его, кого нибудь полюбить могла.

Совѣтникъ. Что-жъ мы такъ долго одни заговорились?

Бригадиръ. О дѣлѣ я говорить нескучливъ; однако, пойдемъ туда, гдѣ всѣ. (*Выходя*) Впрямь, ежели не переставать рассказывать о томъ, какъ люди ошибаются, то мы не сойдемъ съ мѣста и до скончанія нашей жизни.

Совѣтникъ. Пойдемъ же, пойдемъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бригадирша и Сынъ.

Бригадирша. Не упрямясь, Иванушка, для чего тебѣ не жениться?

Сынъ. Матушка! довольно видѣть васъ съ батюшкою, чтобъ получить совершенную аверсію къ женитбѣ.

Бригадирша. А что-жъ бы такое, другъ мой? развѣ мы спустя рукава живемъ? То правда, что деньжонокъ у насъ немного: однако-жъ, онѣ не переводятся.

Сынъ. Мало иль ничего, *c'est la même chose*, для меня все равно.

Бригадирша. Какъ все равно, батюшка! Случится иногда и въ десяти копѣйкахъ нужда, такъ и тѣхъ изъ земли не выроешь. Ужъ куда, право, нонѣ вы прихотливы стали! У васъ вотъ и десять копѣекъ за пометъ; а того и не помнишь, что гривною въ день можно быть сыту.

Сынъ. Матушка, я хочу быть лучше голодень, нежели сытъ за гривну.

Бригадирша. Куда больно, Иванушка! не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко завтра, такъ ты небось и нашимъ сухарямъ радъ будешь.

Сынъ. Въ случаѣ голода, осмѣливаюсь думать, что и природный французъ унизилъ бы себя купать наши сухари... Матушка, когда вы говорите о чемъ нибудь русскомъ, тогда желалъ бы я отъ васъ быть на сто миль французскихъ, а особливо когда дѣло идетъ до моей женитьбы.

Бригадирша. Какъ же, Иванушка? Вѣдь мы ужъ на словѣ положили.

Сынъ. Да я нѣтъ.

Бригадирша. Да что намъ до этого? Наше дѣло съискать тебѣ невѣсту, а твое дѣло жениться. Ты ужъ не въ свое дѣло и не вступайся.

Сынъ. Какъ, та мѣге, я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты?

Бригадирша. И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слухомъ не слышали. Я съ нимъ до свадьбы отъ роду слова не говорила, и начала уже мало-по-малу кое-какъ заговаривать съ нимъ недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы.

Сынъ. За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили.

Бригадирша. Дай-то Господи, чтобъ и тебѣ такъ же удалось жить, какъ намъ.

Сынъ. Dieu m'en préserve.

Бригадирша. Буди съ нами милость Божья и мое благословеніе.

Сынъ. Très obligé.

Бригадирша. Или я глуха стала, или ты нѣмъ.

Сынъ. Ni l'un, ni l'autre.

Бригадирша. Что это мнѣ съ тобою будетъ, Иванушка?
Да по-каковски ты со мною говорить можешь?

Сынъ. Виноватъ; я и забылъ, что мнѣ надобно говорить съ вами по-русски.

Бригадирша. Иванушка, другъ мой, или ты выучи меня по-французскому, или самъ разучись. Я вижу, что мнѣ никакъ нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить. (*Отходитъ*).

Сынъ. Какъ изволишь.

ЯВЛЕНИЕ II.

Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница. Знаешь ли что, душа моя? Мнѣ кажется, будто твой отецъ очень ревнуетъ; намъ какъ возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Сынъ. Madame, возможно ли скрыть пожаръ и такой сильный, car je brûle-moi.

Совѣтница. Я боюсь того, чтобы, свѣдавъ о нашемъ пламени, твой отецъ и дуракъ мужъ мой не пришли его тушить.

Сынъ. Такъ, vous avez raison: это такіе люди, которые не въ свои дѣла вступаться любятъ.

Совѣтница. А особливо мужъ мой. Ему ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ быть замѣшану mal à propos въ такое дѣло, которое до него не принадлежитъ, и чѣмъ меньше ему нужды до нашего пламени, тѣмъ больше онъ въ томъ интересоваться будетъ.

Сынъ. Vous avez raison. И какая бы ему тутъ была нужда.

Совѣтница. Вотъ какая: онъ говоритъ, жизнь моя, что будто мужъ и жена составляютъ одного человѣка.

Сынъ. Тѣмъ лучше: par conséquent! ежели тебѣ пріятно

любить меня, такъ и ему должно то быть пріятно, что ты меня любишь.

Совѣтница. Конечно, онъ самъ себѣ контрадируетъ.

Сынъ. Madame, ты не была въ Парижѣ, а знаешь всѣ французскія слова. (*Садятся оба*). Avez vous (съ веселымъ видомъ), не имѣла ли ты коннесансу съ какимъ французомъ?

Совѣтница (*застыдясь*). Нѣтъ, душа моя. Мнѣ нельзя было ни съ кѣмъ, живучи въ Москвѣ, познакомиться.

Сынъ. Et pourquoi? Тамъ развѣ мало французовъ?

Совѣтница. Я никого не знала (*съ презрѣніемъ*), кромѣ учителей.

Сынъ. Да знаешь ли ты, каковы наши французскіе учителя? Даромъ что большая изъ нихъ половина грамотѣ не знаетъ, однако, для воспитанія они предорогіе люди: вѣдаешь ли ты, что я,—я, котораго ты видишь,—я до отбѣзда моего въ Парижъ былъ здѣсь на пансіонѣ у французскаго кучера.

Совѣтница. Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon. Съ сего часа буду я въ сердцѣ моемъ сохранять истинное почтеніе къ французскимъ кучерамъ.

Сынъ. Я совѣтую. Я одному изъ нихъ долженъ за любовь мою къ французамъ и за холодность мою къ русскимъ. Молодой человѣкъ подобенъ воску. Ежели-бъ malheureusement я попался къ русскому, который бы любилъ свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Совѣтница. Счастье твое и мое, душа моя, что ты попался къ французскому кучеру.

Сынъ. Однако, оставимъ кучера и поговоримъ объ отцѣ моемъ и о твоемъ мужѣ.

Совѣтница. Возможно ли, душа моя, съ такой высокой матеріи перейти вдругъ въ такую низкую.

Сынъ. Для разумныхъ людей нѣтъ невозможнаго.

Совѣтница. Говори же.

Сынъ. Намъ надобно взять свои мѣры; prendre nos mesures. (*Входитъ съ одного конца Бригадиръ, съ другого Совѣтникъ; а они, не видя ихъ, продолжаютъ*).

Совѣтница. Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Сынъ. На все! (*Кидается на колѣни*). *Idole de mon âme!*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ. Ба! это что? На яву или во снѣ?

Совѣтникъ. Съ нами Богъ! Ужъ не обмороченъ ли я?

Сынъ (*вскоча и оторопѣвъ*). *Serviteur très humble.*

Бригадиръ. Теперь я съ тобой, Иванъ, по-русски поговорить хочу.

Совѣтница (*къ Совѣтнику*). Ты, мой батюшка, внѣ себя. Что тебѣ сдѣлалось?

Совѣтникъ (*съ яростію*). Что мнѣ сдѣлалось, проклятая! А развѣ не ты, говоря съ этой повѣсою, на все соглашалась.

Сынъ. Да вы за что меня браните! Пусть изволятъ бранить батюшка.

Бригадиръ. Нѣтъ, другъ мой. Я тебя поколотить собираюсь.

Совѣтница. Какъ! вы его за то бить хотите, что изъ политесу сталь передо мною на колѣни?

Бригадиръ. Такъ, моя матушка. Видѣлъ я, видѣлъ. Поздравляю тебя, братецъ, перемѣнивъ зятя на свояка.

Совѣтникъ. О, Создатель мой, Господи! Приходило-ль на мое помышленіе видѣть такое богомерзкое дѣло!

Бригадиръ. Я, братецъ, тебѣ, помнишь, говорилъ: береги жену, не давай ей воли; вотъ что и вышло! Мы съ тобою породнились, да не съ той стороны. Ты обиженъ, дочь твоя тоже (*въ сторону*), да и я не меньше.

Сынъ (*къ Совѣтнику*). Не все ли равно, *monsieur*—вы хотите имѣть меня своимъ свойственникомъ: я охотно...

Совѣтникъ. О, злодѣйка! ты лишила меня чести—моего послѣдняго сокровища.

Бригадиръ (*осердясь*). Ежели у тебя, свать, только со-

кровища и осталось, то не слишкомъ же ты богатъ: не за чѣмъ и гнаться.

Совѣтникъ. Разсуди-жь ты самъ, разумный человѣкъ, и это малое сокровище ввѣриль я вотъ въ какія руки (*указывая на жену свою*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Бригадирша, Софья, Добролюбовъ.

Бригадирша. Сокровище! что за сокровище? Никакъ вы кладъ нашли! Дай-то Господи.

Бригадиръ. Кладъ не кладъ, а кой-что нашли, чего и не чаяли.

Бригадирша. Что такое?

Бригадиръ (*указывая на Совѣтника*). Вотъ онъ въ приблияхъ.

Совѣтникъ (*Бригадиршѣ*). Проклятая жена моя, не убоюсь Бога, не устыдятся добрыхъ людей, полюбила сына твоего, а моего нареченнаго зятя!

Бригадирша. Ха-ха-ха! какал околесица, мой батюшка! У Иванушки есть невѣста, такъ какъ ему полюбить ее? Это не водится.

Сынъ. Конечно, не водится; да хотя бы и водилось, то за такую бездѣлицу, pour une bagatelle, честнымъ людямъ сердиться невозможно. Между людьми, знающими свѣтъ, этому смѣются.

Бригадиръ. Кабы кто нибудь за моей старухой имѣлъ дурачество поволочиться, я бы не сталъ отъ него ждать дальнихъ разговоръ: отточилъ бы я ему бока, гдѣ ни встрѣтился.

Совѣтникъ. Нѣтъ, государь мой; я знаю, что съ сыномъ вашимъ дѣлать. Онъ меня обезчестилъ; а сколько мнѣ безчестья положено по указамъ, объ этомъ я вѣдаю.

Бригадирша. Какъ! вамъ платить безчестье! Попомни Бога, за что?

Совѣтникъ. За то, моя матушка, что мнѣ всего дороже честь... Я всѣ денежки, опредѣленные мнѣ по чину, возьму съ него и не уступлю ни полупки.

Бригадиръ. Слушай, братъ: коли впрямь дойдетъ дѣло до платежа, то сыну моему должно будетъ платить одну половину, а другую пусть заплатитъ тебѣ жена твоя. Вѣдь они обезчестили тебя заодно.

Бригадирша. И вѣдомо, грѣхъ пополамъ.

Совѣтница (*къ мужу*). Развѣ вы не хотите имѣть его своимъ зятемъ?

Совѣтникъ. Загради уста свои, проклятая!

Софья. Батюшка! послѣ такого поступка, который сдѣлалъ мой женихъ, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я въ жизнь мою за него не выйду.

Совѣтникъ. Я на это согласенъ.

Добролюбовъ (*Софья*). Надежда мнѣ льститъ отъ часу болѣе.

Бригадиръ. И я не хочу того, чтобъ сынъ мой имѣлъ такую цѣломудренную тещу; а съ тобой, Иванъ, я раздѣлаюсь вотъ чѣмъ (*указываетъ палкою*).

Совѣтникъ. Такъ, государь мой, ты палкой, а я монетою.

Сынъ. Батюшка, вы не слушайте его: онъ недостойнъ имѣть ее женою.

Совѣтница. Измѣнникъ! варваръ! тиранъ!

Совѣтникъ (*оторопѣвъ*). Что, что такое?

Сынъ (*къ Совѣтнику*). Развѣ я не видѣлъ, какъ вы становились на колѣни передъ матушкой.

Бригадиръ. Кто на колѣни? Ба! Передъ кѣмъ?

Сынъ. Онъ передъ моей матушкой.

Бригадиръ. Слышишь ли, другъ мой? А! что это?

Совѣтникъ. Не смѣю возрѣти на небо.

Бригадиръ (*къ Бригадиршѣ*). Онъ за тобою волочился, а ты мнѣ этого, дурища, и не сказала!

Бригадирша. Батюшка мой, Игнатій Андреевичъ, какъ

передъ Богомъ сказать, я сама объ этомъ не вѣдала; мнѣ послѣ сказали добрые люди.

Бригадиръ. Братъ, съ Иваномъ-то я раздѣляюсь; а тебѣ, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходится, только не въ безчестьѣ, а въ увѣчьѣ.

Совѣтникъ (*струся*). Ваше высокородіе! и Господь кающагося приеѣмлетъ. Прости меня, согрѣшихъ предъ тобою.

Сынъ. Mon père! Изъ благопристойности...

Бригадиръ. Не учи ты меня, Иванъ; не забудь того, что я тебя бить собираюсь.

Совѣтница. Что-жъ ты и вправду затѣялъ? (*Приступя къ нему*) Развѣ не ты объявилъ мнѣ здѣсь на этомъ мѣстѣ любовь свою?

Совѣтникъ. Какъ? что такое, государь мой?...

Бригадиръ (*тише*). Чего изволишь?

Совѣтникъ. О комъ она сказываетъ?

Бригадиръ. Обо мнѣ.

Совѣтникъ. Такъ ты, государь мой, пріѣхалъ въ домъ мой затѣмъ развѣ, чтобъ искушать жену мою?

Бригадиръ. Коли такъ, то я и назадъ поѣду.

Совѣтникъ. Не мѣшкая ни часа.

Бригадиръ. Ни минуты. Видно, что я къ честнымъ и заслуженнымъ людямъ въ руки попался. Иванъ, вели скорѣй подать коляску. Жена! сей минуты выѣдемъ вонъ изъ такого дома, гдѣ я, честный человѣкъ, чуть было не сдѣлался бездѣльникомъ.

Бригадирша. Батюшка мой, дай мнѣ хоть прибрать кое-что.

Бригадиръ. Въ чемъ стоишь, въ томъ со двора долой.

Совѣтникъ. А что останется, то мое.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ кинувшись*). Прости, la moitié de mon âme!

Совѣтница (*кинувшись къ Сыну*). Adieu, полдуши моей! (*Бригадиръ и Совѣтникъ кидаются разнимать ихъ*).

Бригадиръ. Куды, собака?

Совѣтникъ. Куды, проклятая? О, Господи!

Бригадиръ (*передразнивая его*). О, Господи! Нѣтъ, братъ, я вижу по этому, что у кого чаще всѣхъ Господь на языкѣ, у того чортъ на сердцѣ... Вонъ, всѣ мои!

Совѣтникъ (*всмѣлъ за Бригадиршей, всплеснувъ руками*). Прости, Акулина Тимоѣевна!

ЯВЛЕНІЕ V.

Совѣтникъ, Совѣтница, Софья, Добролюбовъ.

Совѣтникъ. О, Господи! наказуешь насъ по дѣламъ нашимъ. А ты, Софьюшка, за что ты лишилась жениха своего?

Добролюбовъ. Если ваша воля согласится съ желаніемъ нашимъ, то я, ставъ женихомъ ея, почту себя за прелюбополучнаго человѣка.

Совѣтникъ. Какъ, ты! получивъ уже двѣ тысячи душъ, не переимѣняешь своего намѣренія?

Добролюбовъ. Меня ничто на свѣтѣ не привлечетъ перемѣнить его.

Совѣтникъ. И ты, Софьюшка, идти за него согласна?

Софья. Если ваше и матушкино желаніе не препятствуетъ тому, то я съ радостью хочу быть его женою.

Совѣтница. Я вашему счастью никогда не препятствовала.

Совѣтникъ. Ежели такъ, то будьте вы женихъ и невѣста.

Добролюбовъ (*Софьѣ*). Желаніе наше совершается; сколь много я благополучень!

Софья. Я однимъ тобою могу на свѣтѣ быть счастлива.

Совѣтникъ. Будьте вы благополучны; а я, за всѣ мои грѣхи, довольно Господомъ наказанъ: вотъ моя геенна.

Совѣтница. Я желаю вамъ счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вотъ мой тартаръ.

Совѣтникъ (*къ партнеру*). Говорятъ, что съ совѣстью жить худо: а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже.

Матеріалы для біографіи Фонъ-Визина.

Чистосердечное признаніе

ВЪ ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ.

(Двѣ первыя книги).

*Беззаконія моя азъ познахъ и грѣха
моего не покрыхъ.*

ВСТУПЛЕНІЕ.

Славный французскій писатель Жанъ-Жакъ-Руссо издалъ въ свѣтъ „Признанія“, въ коихъ открываетъ онъ всѣ дѣла и помышленія свои отъ самаго младенчества; словомъ, написалъ свою исповѣдь и думаетъ, что сей книги его какъ не было примѣра, такъ не будетъ и подражателей.

Я хочу, говоритъ Руссо, показать человѣка во всей истинѣ природы, изобразивъ одного себя. Вотъ какой подвигъ имѣлъ Руссо въ своихъ „Признаніяхъ“.

Но я, приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни моей, прешедъ слѣдственно половину жизненнаго поприща и одержимъ будучи трудною болѣзнію, нахожу, что едва ли остается мнѣ время на покаянiе, и для того да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другаго подвига, кромѣ раскаянія христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего и *беззаконія моя азъ возвѣщу*. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое: *Господи! не уклони сердца моего въ словеси лукавствія и сохрани во мнѣ любовь къ истинѣ, юже вселилъ еси въ душу мою*.

Не утаивая ничего изъ содѣяннаго мною зла, скажу безъ прибавки и все то, что сдѣлалъ я, слѣдуя гласу совѣсти. И если между множествомъ согрѣшеній случилось мнѣ въ жизни сотворить нѣчто благое, то признаю и исповѣдую, что сіе не отъ меня происходило, но отъ самаго Бога, вся благая намъ дарующаго: Тому единому восписую благія дѣла мои,

Ему одному за нихъ благодарю и Его молю, да мя въ семьъ благомъ утвердить до конца жизни.

Сіе испытаніе моей совѣсти раздѣлю я на четыре книги. Первая содержать будетъ мое младенчество, вторая—юношество, третья—совершенный возрастъ и четвертая — приближающуюся старость.

Прежде, нежели начну я мое повѣствованіе, необходимо надобно описать свойства тѣхъ моихъ ближнихъ, къ коимъ я въ теченіе жизни моей имѣлъ болѣе отношенія. Да не причтется мнѣ въ пристрастіе, ежели я, говоря правду, скажу нѣчто похвальное о ближнихъ моихъ; ибо я въ справедливости моей ссылаюсь на тѣхъ, кои ихъ знали.

Отецъ мой былъ человѣкъ большаго здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтитъ себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно древнюю и римскую исторію, мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный христіанинъ, любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ переднихъ знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но онъ не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не бытъ съ почтеніемъ у своихъ начальниковъ. Ненавидѣлъ лихоимства и, бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. „Государь мой!“ говаривалъ онъ приносителю: „сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права“. Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ.

Отецъ мой жилъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ. Причиною сему было воздержное христіанское житіе. Онъ горячихъ напитковъ не пилъ, пищу употреблялъ здоровую, но не объѣдался. За картами ни одной ночи не просиживалъ и, словомъ, никакой страсти, возмущающей человѣческое спокой-

ствіе, онъ не чувствовалъ. О, если бы дѣти его были ему подобны въ тѣхъ качествахъ, кои составляли главныя души его свойства и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно!

Отецъ мой былъ характера весьма вспыльчиваго, но не злопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостію; но, не смотря на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей. Не смотря на свою вспыльчивость, я не слышалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ онъ дѣломъ противу совѣсти. „Мы живемъ подъ законами“, говаривалъ онъ, „и стыдно, имѣя такихъ священнѣхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ. Ибо пшаги и кулаки суть одно. И вызовъ на дуэль есть не что иное, какъ дѣйствіе буйственной молодости“. Наконецъ долженъ я сказать къ чести отца моего, что онъ, имѣя не болѣе пяти сотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо. Вторая супруга отца моего, а моя мать, имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ тотъ, отъ котораго за добродѣтели ихъ благодать Божія никогда не отнималась. Въ семь домѣ проведено было мое младенчество, котораго подробности въ слѣдующей книгѣ читатель найдетъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

*Господи! даждь ми помыслъ исповѣданія
грѣховъ моихъ.*

Не естественно человѣку помнить первое младенчество. Я никакъ не знаю себя до шести лѣтъ возраста. Но безъ со-

мнѣнія имѣлъ и я въ себѣ то зло, которое у другихъ младенцевъ встрѣчать случается, то есть: злобу, нетерпѣніе, любостыжаніе и притворство—словомъ, начатки почти всѣхъ пороковъ, кои уже окореняются и возрастаютъ отъ воспитанія и отъ примѣровъ. Не знаю, для чего отнимали меня отъ кормилицы уже поздно. На третьемъ году случилось со мною сіе лишеніе, которое, какъ сказывалъ мнѣ самъ отецъ мой, переносилъ я съ ужаснымъ нетерпѣніемъ и тоскою. Однажды онъ, подошедъ ко мнѣ, спросилъ меня: „Грустно тебѣ, другъ мой?“—А такъ-то грустно, батюшка, отвѣчалъ я ему, затрепетавъ отъ злобы, что я и тебя, и себя теперь же вдавилъ бы въ землю. — Сіе сильное выраженіе скорби показывало уже, что я чувствовалъ сильнѣе обыкновеннаго младенца. Въ четыре года начали учить меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнаго.

Чувствительность моя была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, сталъ рассказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ рассказываніи его не было никакого украшенія; но какъ повѣсть сама собою есть весьма трогательная, то весьма скоро наворачнулись слезы на глаза мои; потомъ началъ я рыдать неутѣшно. Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце и я, не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю; у меня разболѣлся зубъ, отвѣчалъ я. И такъ отвели меня въ мою комнату и начали лечить здоровый мой зубъ. „Батюшка“, говорилъ я, „я вклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я отъ того, что мнѣ жаль стало бѣднаго Іосифа“. Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. „Я постыдился“, отвѣчалъ я, „да и побоялся, чтобы вы не перестали рассказывать исторіи“.—Я се конечно доскажу тебѣ, говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности.

Не утаю и того, что прїѣзжавшій изъ Дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳеодоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настрашалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезныхъ.

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ все-нощное служеніе, равно какъ на первой и на послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро выучился я читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать Сему обязанъ я, если имѣю въ російскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего російскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: „перестань молотъ“, кричалъ онъ мнѣ, „или ты думаешь, что Богу прїятно твое бормотанье,? Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснить мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ.

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и, сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзамень въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣла-

лось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говорилъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значуть пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ, — продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою, — извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда стануть спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“. Вотъ каковъ былъ экзамень нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою прейсы ¹⁾, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принять былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзамень съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? „Въ Черное море“, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища; „въ Бѣлое“, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; „не знаю“, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго правоученія, по отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась по латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ

---

¹⁾ Нѣмецкое Preis—награда.

получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ? Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ, и я, упражняясь въ переводахъ на російскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста.

КНИГА ВТОРАЯ.

Господи! отарати лице Твое отъ грѣхъ моихъ.

Въ университетѣ былъ тогда книгопродавецъ, который слышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы ¹⁾ басни; за труды обѣщаль чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть современемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово, и книги на условенныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кон развратили мое воображеніе и возмутили душу мою... Остеречь меня было некому, и вступленіе мое въ юношескій возрастъ было, такъ сказать, вступленіе въ пороки.

Теперь настало время сказать нѣчто о моемъ характерѣ и познакомить читателя съ умомъ моимъ и сердцемъ. Я наследовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе; отъ матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время младенчества, юношества и большую часть совершенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастью; наприкладъ: въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головную болью; въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы, чрезъ что и заслужилъ я отъ одного начальника имя лѣнивца. Но со всѣмъ тѣмъ признаюсь, что головная боль по-

¹⁾ Людовикъ Гольбергъ (1684—1754)—знаменитый датскій писатель, баснописецъ, драматургъ и историкъ.

служила мнѣ и къ доброму, а именно не допустила меня сдѣлаться пьяницею, къ чему имѣлъ я великій случай и склонность. Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатиры. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острия слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ приятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтобъ острия слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вамъ приписываемая, есть для васъ суцная отравка; а особливо, если чувствуете склонность къ сатиры, укрощайте ее всѣми силами вашими: ибо и вы безъ сомнѣнія подвержены будете одинаковой судьбѣ со мною. Меня стали скоро бояться, потому ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами, и перомъ. Сочиненія мои были острия ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли.

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Арифметическій нашъ учитель иилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и русскій языкъ зналъ очень хорошо.

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣскольکو учениковъ для показанія основателю университета ¹⁾ плоды сего училища.

---

¹⁾ И. И. Шувалову, одному изъ выдающихся дѣятелей русскаго просвѣщенія.

Я не знаю, какимъ образомъ поцалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человекъ десять насъ малолѣтнихъ отправились въ Петербургъ зимою.

Черезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору ¹⁾. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человекѣ, котораго видъ обратилъ на себя почтительное мое вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ меня: чему я учился? „По латыни“, отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ ²⁾; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ двора нашей императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно. Приѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: часто ли бываютъ у двора куртаги? „Почти всякое воскресенье“, отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько можно долѣе, дабы чаще видѣть дворецъ. Но сіе желаніе было дѣйствіе любопытства и насыщенія чувствъ. Мнѣ хотѣлось чаще видѣть великолѣпіе двора и слышать пріятную музыку, но скоро сіе желаніе исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моихъ родителяхъ, которыхъ захотѣлось мнѣ видѣть нетерпѣливо: день полученія отъ нихъ писемъ былъ для меня пріятнѣйшій, и я самъ по нѣскольку разъ заѣзжалъ на почту за письмами.

---

¹⁾ Попечителю.

²⁾ Торжественный пріѣздъ ко двору.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, „Генрихъ и Пернилла“. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который, шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сии комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Федоромъ Григорьевичемъ Волковымъ ¹⁾, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ главнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аванасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому фізіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять; а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ, кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслить болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво, и мы разошлись пріятельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латин-

---

¹⁾ Основатель русскаго театра въ царствованіе Елизаветы.

скій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣеть отъиное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на російскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ „Сноа, царя египетскаго“, ¹⁾ но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его „Альзиру“. Сей переводъ есть ничто иное, какъ грѣхъ юности моя, но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

Въ 1762 году былъ уже я сержантъ гвардіи; но какъ желаніе мое было гораздо болѣе учиться, нежели ходить въ караулы на съѣзжую, то уклонялся я, сколько могъ, отъ дѣйствительной службы. По счастію моему, дворъ прибылъ въ Москву, и тогдашній вице-канцлеръ взялъ меня въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичьяго чина, чѣмъ я былъ доволенъ. А какъ переводилъ я хорошо, то покойный тогдашній канцлеръ важнѣйшія бумаги отдавалъ именно для перевода мнѣ. Въ тотъ же годъ посланъ я былъ съ екатерининскою лентою къ покойной герцогинѣ мекленбургъ-шверинской. Мнѣ велѣно было заѣхать въ Гамбургъ, откуда министръ нашъ повезъ меня самъ въ Шверинъ. Тогда былъ я еще сушій ребенокъ и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ природную остроту, то у шверинскаго двора не показался я невѣждою. И впрочемъ поведеніемъ своимъ приобрѣлъ я благоволеніе герцогини и одобреніе публики. Возвратясь въ Россію съ рекомендаціею нашего министра о моемъ поведеніи, имѣлъ я счастіе быть весьма хорошо принятымъ моими на-

---

¹⁾ Сочиненіе одного мало извѣстнаго французскаго писателя; Фонтъ-Визинъ переводилъ съ нѣмецкаго перевода.

чальниками; а между тѣмъ переводъ мой „Альзиры“ сталъ дѣлать много шуму, и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что, будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ, ни въ печать.

Въ 1763 году ѣздилъ я въ Петербургъ; но въ иностранной коллегіи остался не долго. Одинъ кабинетъ - министръ имѣлъ надобность взять кого-нибудь изъ коллегіи; а какъ по „Альзирѣ“ моею замѣченъ былъ я съ хорошей стороны, то именнымъ указомъ велѣно мнѣ было быть при томъ кабинетъ-министрѣ. Я ему представился и былъ принятъ отъ него тѣмъ милостивѣе, что самъ онъ, прославясь своимъ витійствомъ на русскомъ языкѣ, покровительствовалъ молодымъ писателямъ.

Въ то же самое время вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ я до нынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохудіи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтено. Въ сіе время сочинилъ я „Посланіе къ Шумилову“, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ. Но Господи! тебѣ извѣстно сердце мое; ты знаешь, что оно всегда благоговѣнно тебя почитало и что сіе сочиненіе было дѣйствіе не безвѣрія, но безразсудной остроты моею!

Тогда сдѣлалъ я „Бригадира“; скоро потомъ перевелъ „Юсифа“ ¹⁾ и все сіе окончилъ въ Москвѣ. Черезъ нѣсколько

---

¹⁾ Поэма французскаго писателя Павла Бишопе (1732—1808), написанная въ подражаніе Библии и, въ свое время, пользовавшаяся большою извѣстностью.

времени я прїѣхаль въ Петербургъ и привезъ съ собою „Бригадира“ и „Иосифа“. Надобно примѣтить, что я объ сіи книги читаль мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію „Бригадира“. Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Ея величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ“. И дѣйствительно, я нашель ея величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ російской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемілостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дня черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, и между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ; но онъ самъ, остановивъ меня: „Слуга покорный“, сказалъ мнѣ, „поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?“ спросилъ онъ меня.— Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ, отвѣчалъ я. „А мы завтра“, сказалъ графъ; „я еще хочу, сударь“, продолжалъ онъ, „попросить васъ: его высочество желаетъ весьма услышать чтеніе ваше, и для того, по прїѣздѣ нашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю

вашъ великому князю, и вы можете прочитатъ ее намъ“. — Я не премину исполнить повелѣніе ваше, — отвѣчалъ я, — и почту за верхъ счастья моего имѣть моими слушателями его императорское высочество и ваше сіятельство. — „Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще очень довольны“, говорилъ графъ. — Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда ваше сіятельство удостоите меня своимъ покровительствомъ, отвѣтствовалъ я. — „Мнѣ будетъ очень пріятно“, сказалъ онъ, „если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ“. Сіе слово произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. „Я тотчасъ одѣнусь“, сказалъ онъ мнѣ, „а ты посиди со мною“. Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ великому князю и представилъ ему меня, какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. „Да вотъ послѣ обѣда“, сказалъ графъ, „ваше высочество ее услышите“. Потомъ, подошедъ ко мнѣ: „Вы“, сказалъ, „извольте остаться при столѣ его высочества“. Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и его высочество съ графомъ и нѣкоторыми двора своего сѣли около меня. Черезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила бригадирша. „Я вижу“, сказалъ онъ мнѣ, „что вы очень

хорошо нравы наши знаете, ибо бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоеевну не имѣеть или бабушку, или тетюшку, или какую-нибудь свойственницу“. По окончаніи чтенія Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. „Это въ нашихъ нравахъ первая комедія“, говорилъ онъ, „и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставляя говорить такую дурицу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣеть успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія“.—Ваше сіятельство, — говорилъ я, — для меня ничего лестнѣе быть не можетъ, какъ такое одобреніе ваше. Его высочеству, съ своей стороны, угодно было сказать мнѣ за мое чтеніе многія весьма лестныя привѣтствія. А графъ, когда вошли мы въ другую комнату, сказалъ: „Вы можете ходить къ его высочеству и при столѣ оставаться, когда только хотите.“—Я благодарилъ за сію милость. „Одолжи же меня“, сказалъ графъ, „и принеси свою комедію завтра вечерому ко мнѣ. У меня будетъ мое общество, и мнѣ хочется, чтобы вы ее прочли“. Я съ радостію общалъ сіе графу, и на другой день вечерому чтеніе мое имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и при его высочествѣ.

Я забылъ сказать, что имѣлъ даръ принимать на себя лице и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Тогда передражничавъ я покойнаго Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другаго, какъ то, что я говорилъ его голосомъ; словомъ сказать, вечеръ провели очень весело, и графъ мною былъ чрезмѣрно доволенъ.

Первое воскресенье пошелъ я къ его высочеству и тамъ долженъ былъ повторить то, что я дѣлалъ у графа вечерому. Дарованіе мое понравилось всѣмъ, и графъ обошелся со мною откровенно милостиво.

Въ сей день представленъ былъ я графомъ брату его, графу Петру Ивановичу, который звалъ меня на другой день

обѣдать и читать комедію. „И я у тебя обѣдаю“, сказалъ графъ брату своему; „я не хочу пропустить случая слушать его чтеніе. Рѣдкій талантъ! У него, братецъ, въ комедіи есть одна Акулина Тимоѣевна: когда онъ роль ея читаетъ, тогда я самое ее и вижу, слышу“.

Чтеніе мое у графа Петра Ивановича имѣло успѣхъ обыкновенный. Покойный графъ Захаръ Григорьевичъ былъ тутъ моимъ слушателемъ. „А завтра“, сказалъ онъ мнѣ, „милости прошу откушать у меня и прочесть комедію вашу“. Потомъ пригласилъ онъ обояхъ графовъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ сдѣлалъ мнѣ ту же честь, и я вседневно званъ былъ обѣдать и читать. Равное же вниманіе ко мнѣ показали: графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, который всю жизнь свою посвятилъ единой добродѣтели, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, покойныя: графиня Марья Андреевна Румянцева, графиня Катерина Борисовна Бугурлина и графиня Анна Карловна Воронцова. И я, объѣздя звавшихъ меня, съ недѣлю отдыхалъ; а между тѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ тотъ князь, съ коимъ я имѣлъ непріятное общество. Онъ рассказывалъ мнѣ, что весь Петербургъ наполненъ моею комедіею, изъ которой многія острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ. „Мнѣ поручилъ“, сказали князь, „звать тебя обѣдать графъ***. Поѣдемъ къ нему завтра“. Сей графъ былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ, но погрязшій въ сладострастіе. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и все позволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Вышняго Существа. Я поѣхалъ къ нему съ княземъ, надѣясь найти въ немъ по крайней мѣрѣ разсуждающаго человѣка; но поведеніе его иное мнѣ показало. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія, и безуміе явное; но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою. Послѣ обѣда поѣхалъ я съ княземъ домой. „Что?“

спросилъ онъ меня, „правится ли тебѣ это общество?“ — Прошу меня отъ него уволить,—отвѣчалъ я; — ибо не хочу слышать такихъ умствованій, кои не просвѣщаютъ, но помрачаютъ человѣка.—Тутъ казалось мнѣ, что пришло въ мою голову наитіе здраваго разсудка. Я въ каретѣ разсуждалъ о безуміи невѣрія очень справедливо и объяснялся весьма выразительно, такъ что князь ничего отвѣчать мнѣ не могъ.

Скоро дворъ переѣхалъ въ Царское Село; а какъ тотъ кабинетъ-министръ, при коемъ я находился, долженъ былъ, по званію своему, слѣдовать за дворомъ, то взялъ и меня въ Царское Село. Я, терзаемъ будучи мыслями, поселенными въ меня безбожническою бесѣдою, хотѣлъ досужное время въ Царскомъ Селѣ употребить на дѣло мнѣ полезнѣйшее, а именно, подумавъ хорошенько и призвавъ Бога въ помощь, хотѣлъ опредѣлить систему мою въ разсужденіи вѣры. Съ сего времени считаю я вступленіе мое въ совершенный возрастъ, ибо началъ чувствовать дѣйствіе здраваго разсудка ¹⁾.

Матеріалы для изученія комедій Фонъ-Визина.

1) „Недоросль“.

(Изъ книги кн. П. Вяземскаго).

Въ комедіи „Недоросль“ авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую ²⁾: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою, раскрашены красками самыми ненавистными. „Въ Бригадирѣ“ авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвить ихъ стрѣлами насмѣшки; въ „Недорослѣ“ онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады: если-же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и

¹⁾ Третья кн. осталась неоконченною авторомъ, и заключаетъ въ себѣ всего три страницы.

²⁾ Чѣмъ въ „Бригадирѣ“.

прискорбныхъ. И въ „Бригадирѣ“ можно видѣть, что погрѣшности воспитанія русскаго живо поражали автора; по худое воспитаніе, данное бригадирскому сыну, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе края безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество-же, въ коемъ росъ Митрофанушка, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его, Простакова. Именно говорю—изверга, и утверждаю, что въ содержаніи комедіи „Недоросль“ и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ: разумѣется, что трагедія будетъ не по греческой или по французской классической выкройкѣ, но не менѣе того, развязка можетъ быть трагическая. Какъ „Тартюфъ“ Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и Простакова. Отъ авторовъ зависѣло ея и ея присвоить той или другой области. Характеръ и личность остались-бы тѣ-же, но только принаровленные къ узаконеніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литературной границы. Что можно назвать сущностью драмы „Недоросля“? Домашнее, семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью, которую приноситъ она на жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризуется она самимъ авторомъ? *Презлою фурією, которой адскій нравъ дѣлается несчастіемъ цѣлаго дома.* Всѣ прочія лица второстепенны: инныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствию. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ, когда, по несчастію, встрѣчаются они въ мѣрѣ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому

многочисленные доказательства. Вот нравственная сторона творения сего, и патриотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уважения и признательности! Можно сказать, что подобное исполнение не только хорошее сочинение, но и доброе дѣло, — что, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе. Между тѣмъ и комическая сторона „Недоросля“ не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ, уже замѣченный выше: недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія. Изъ сорока явленій, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едва-ли найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самого дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка.

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ Простаковой. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обстановкою. Разговоръ ея съ портнымъ Трипкою, или лучше сказать, пожалованнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно принаровлена къ лицамъ; сцена совершенно русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и портнымъ по неволѣ оживлена драматическимъ кресчендо и кончается neodолимымъ возраженіемъ его: *„Да первый-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего!“* Поболѣе такихъ явленій, — и Фонъ-Визинъ былъ-бы одинъ изъ остроумнѣйшихъ комиковъ. Характеръ мужа въ слѣдующемъ явленіи обрисовывается значительно и рѣзко. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является Простакова, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искусствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною. Смѣсъ наглости и низости, трусости

и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекають всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще болѣе искусства и глубокаго сердецвѣдѣнія. Когда Стародумъ прощаетъ Простакову, и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: „Простилъ! ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ“, — тутъ слышенъ голосъ природы. Скупость ея прорывается весьма забавно въ сценѣ, когда Правдинъ, назначенный отъ правительства опекуномъ надъ деревнею ея, рассчитывается съ учителями Митрофанушки. Тутъ уже не хвастаетъ она, какъ прежде, познаніями своего сына, и невольно говоритъ Кутейкину: „Да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?“ Но послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельные плоды злонравія ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо липилась власти дѣлать зло, она, бросаясь обнимать сына, говоритъ ему: *„Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!“* а онъ отвѣчаетъ ей: *„Да отвязись, Матушка, какъ навязалась!“* Признаюсь, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонъ-Визинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ. Изъ того, что видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ Простакову, и могли-бы начертать полную боіграфію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ въ афишахъ.—Скотининъ карриатура; онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ

„Дмитрій Самозванецъ“ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ Митрофанушкою и Еремѣвною очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя вскользь обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самаго автора, что, приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобы въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюдений, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ въ него слово *зацѣпъ*, подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль Стародума можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствіемъ, то волею своею; въ другой онъ лицо вставное, нравоученіе, подобіе хора въ древней трагедіи¹⁾. Тутъ авторъ выразилъ нѣсколько истинъ, изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть не идетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи многое выкидывается изъ роли Стародума. Была-бы пѣса написана хорошими стихами, то, вѣроятно, терпѣніе партера не утомилось бы отступленіями; но невыгода Стародума предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактическою прозою, которая скучна подъ конецъ.

Роли Милона и Софьи блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія, но счастливою развязкѣ ея радуешься развѣ изъ безпристрастной любви къ ближнему. Правдинъ чиновникъ; онъ разрѣзываетъ мечемъ закона сплетеніе дѣйствія. Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ забавныя карикатуры; послѣдній слишкомъ карикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло,

---

¹⁾ Хоръ въ древней (греческой) трагедіи употреблялся для того, чтобы, во время дѣйствія, высказывать отъ лица автора или собственнаго своего, тѣ мысли и чувства, которыя вызывались въ немъ зрѣлищемъ происходившаго на сценѣ.

что въ старину нѣмецъ кучеръ попалъ въ учителя въ домъ Простаковыхъ.

Успѣхъ комедіи „Недоросль“ былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціальныя преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Миѣ самому случалось встрѣтиться въ провинціяхъ съ двумя или тремя живыми экземплярами Митрофанушки, то есть, будто служившими образцомъ Фонъ-Визину. Вѣроятно, преданіе ложное, по и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Въ „Бригадирѣ“ есть тоже намеки на живыя лица, между прочими, на какого-то президента коллегіи, который любилъ великорослыхъ и по росту опредѣлялъ подчиненныхъ на свои мѣста. Если правда, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія „Недоросля“, сказалъ автору: „Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!“ — то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искусства; можно сказать, что онъ и не создалъ русской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно-же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе.

2) Значеніе „Недоросля“.

(С. Дудышкина).

Каждый вѣкъ и каждый народъ приносятъ человѣчеству дань комизмомъ, и это одна изъ самыхъ обильныхъ даней. Комизмъ такъ-же присущъ человѣчеству, какъ и трагичность; онъ обуславливается, съ одной стороны, ограниченностью способностей, данныхъ человѣку, а съ другой — историческимъ развитіемъ рода человѣческаго. Проходя по пути, указанному Провидѣніемъ, человѣчество въ разныя эпохи подвергается

временнымъ недугамъ, которые составляютъ принадлежность эпохи, которые подготовлены историческимъ развитіемъ жизни, безвыходны на извѣстное время. Смѣнится поколѣніе, смѣнятся вѣрованія, обновится мысль и чувство—родъ человѣчскій уйдетъ отъ этой комедіи и... попадетъ въ другую. Комедія необходимо дополняетъ трагедію въ исторіи человѣчества, потому что заблужденія идутъ въ ней объ руку съ истинной. Какъ трагедія имѣетъ свой дѣйствительный міръ страстей и волненій, такъ и у комедіи есть свой дѣйствительный міръ заблужденій; какъ трагикъ, чтобы быть вполне художникомъ, долженъ быть объективенъ, такъ и комикъ, для подлинности своихъ героевъ, долженъ быть вѣренъ исторіи и сердцу человѣческому. Слѣдовательно, всякое уродливое, одностороннее изображеніе героевъ комедіи такъ-же неестественно, какъ неестественны восковыя статуи, куклы и другія дѣтскія забавы.

И такъ, каждый народъ, каждый вѣкъ доставляетъ героевъ комедіи и трагедіи. Комикъ, передающій въ своихъ твореніяхъ потомству всю область комизма въ извѣстное время и у извѣстнаго народа, будетъ принадлежать къ такимъ же рѣдкимъ и мировымъ явленіямъ въ области искусства, какъ и трагикъ, собравшій въ своихъ произведеніяхъ всѣ лучшіе pomysлы и надежды своего времени. Немногимъ избраннымъ принадлежитъ эта слава; рѣдкимъ удастся схватить и одну черту своей эпохи.

Какое-жъ содержаніе могло дать комедіи время Екатерины, и какъ повимали въ то время самую комедію?

Начала истинной образованности и прежняго невежества поразительно столкнулись въ обществѣ Екатерининна вѣка; новыя начала жизни составляли рѣзкій разладъ съ преданіями прежней жизни. Со временъ Петра Великаго до Екатерины II Россія окрѣпла матеріально. Образованность, которую мы приняли отъ Европы, была очень немногосложна, и большая часть народа чуждалась образованія. Признаки образованности, и то внѣшніе, были; внутреннѣе же, духовныхъ, не было. И посреди этихъ обстоятельствъ является Екатерина

Великая сильнымъ двигателемъ нашего общества. Трудно сказать что нибудь общее объ этомъ времени, представить какую-нибудь вѣрную его характеристику. Съ одной стороны, прежняя жизнь достигла полнаго политическаго блеска, основаннаго на началахъ старинной жизни, нисколько не утративъ своего главнаго признака, съ другой—появляется сильное вліяніе новаго ученія, европейскаго духа, литературы, философіи. Особенно замѣтно столкнулись два послѣдніе признака: поверхностная необразованность и европейская цивилизація съ французскою утонченностью. Высшій классъ отличался послѣднимъ и былъ нововодителемъ; низшій былъ таковъ же, какъ и теперь, а средній (понимая подъ этимъ словомъ одно среднее дворянство) прикрывалъ недостатки образованія французскими отрывочными словами, фижмами и кафтаномъ; онъ не имѣлъ оригинальности ни одного, ни другого. Эти-то герои выпали на долю Фонъ-Визина, и онъ сдѣлалъ имъ честь „Бригадиромъ“ и „Недорослемъ“. Еще при императрицѣ Елизаветѣ Европа считала Россію державою полуазіатскою, хотя и давно вошла въ сношенія съ нею. Съ виду мы давно казались европейцами: на головѣ у насъ былъ тупей съ длинною косою, сложенною въ кошелекъ, мы щеголяли во французскихъ кафтанахъ съ пуговицами разныхъ сортовъ, въ мазетовыхъ и шелковыхъ камзолахъ, въ кружевныхъ манжетахъ, въ башмакахъ, въ треугольныхъ шляпахъ. Длинная коса, рогатый тупей или безчисленное множество буклей, манжеты, закрывающія всѣ пальцы рукъ, широкія серебряныя пряжки на тупоносыхъ башмакахъ, бамбуковая трость съ металлическимъ набалдашникомъ, были признаками щеголя. Ассамблеи, учрежденныя Петромъ Великимъ, имѣли важное вліяніе на русскіе нравы: онѣ нанесли окончательный ударъ прежнимъ обычаямъ. Это полезное учрежденіе вызвало дамъ въ гостиныя, дало права женщинѣ, и, вслѣдствіе этого, возникла свѣтская жизнь. Ассамблеи превратились въ *soirées dansantes*, балы, концерты и маскарады. Танцы были самымъ взыскательнымъ искусствомъ. Мужчины, посыпавъ голову пудрой, принялись за свой

многосложный туалетъ; прабабушки наши затащались въ корсеты и фижмы, надѣли длиннохвостые роброны, фуру, фуруферме, левиты, полонезы, жилеты, сюртуки съ тремя разноцвѣтными воротниками. Безъ колець и перстней, перчатокъ и вѣера, никакая дама не смѣла войти въ гостиную. Надѣвъ черевички съ высокими каблуками и нарумянившись, какъ нынче не румянятся и купчихи, наши дамы изучили жеманные книксены у балетмейстеровъ и протянули свои ручки къ русскимъ петиметрамъ, которые, шаркая и раскланиваясь, цѣловали эти ручки со всевозможной осторожностью. Въ саду Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, дозволялось гулять два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ; въ эти два дня, въ одной изъ бесѣдокъ, предлагались любителямъ политики и словесности газеты, вѣдомости, журналы на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; въ томъ же саду находились билльямъ, фортунка и качели; гуляющіе могли за деньги получать оршадъ, лимонадъ, мороженое, шоколадъ, кофе, чай, конфекты и разные плоды; тамъ же была ресторація, въ которой готовили обѣды и ужины цѣною по рублю, по полтинѣ и по тридцати копѣекъ съ посѣтителя, кромѣ вина... Дворянство начало ѣсть телятъ, зайцевъ, голубей, кроликовъ, колбасы, салатъ, — начало нюхать и курить табакъ. Мы усвоили себѣ экипажи по французскому образцу и сбрую, подъ вліяніемъ польской изобрѣтательности. Впереди парадныхъ экипажей знатныхъ и достаточныхъ людей ѣздили вершники, одѣтые по гусарски или по казацки. Скороходы иногда исполняли эту должность, а гайдуки отправляли иногда должность лакеевъ. Въ это же самое время, мы не на шутку заговорили по французски, фантазировали кое-какъ на клавикордахъ и танцовали въ собраніяхъ... Такимъ образомъ, виѣшность, была приготовлена на европейскій образецъ; но кое-гдѣ прорывался востокъ. Нужно было одушевить картину, и одушевленіе началось съ царствованія Екатерины II.

Вотъ общество, которое представлялось Фонъ-Визину. Единства въ немъ не было. Политика, побѣды и матеріальная

жизнь увѣнчиваютъ полнымъ блескомъ старинную роскошную, открытую боярскую, спѣсивую жизнь; но съ этимъ мы видимъ и появленіе образованности, уже настоящей, а не внѣшней. Столкновеніе этой образованности съ прежнею грубостью, пли лучше, соединеніе внѣшняго лоска образованія и прежней неподвижности составляетъ характеръ героевъ Фонъ-Визина; онъ не коснулся двухъ остальныхъ классовъ народа—самого высшего, который съ внѣшностью усвоилъ себѣ и начала образованности, и низшаго, не усвоившаго себѣ ни началъ, ни внѣшности.

Первое, что васъ пріятно поражаетъ въ „Недоросль“ по сравненію съ „Бригадиромъ“—единство дѣйствія. Тутъ есть не только жизнь, но и единство: главное лицо, на которомъ держится пьеса—Простакова. По отдѣлкѣ этого лица, Фонъ-Визинъ почти выходитъ изъ своей постоянной роли сатирика; въ ней вы не замѣчаете преувеличеній, неумѣстныхъ остротъ, исключительной односторонности, которыми заражены прочія лица даже въ „Недоросль“. Простакова, нѣжная мать, страстно любить своего сына, но любовью неразумною, животною; она готова со всѣми передрасться за Митрофанушку, но не понимаетъ, что эта любовь губитъ сына. Въ глазахъ ея, Митрофанушка будетъ ребенкомъ, когда ему будетъ даже тридцать лѣтъ: это лучшая характеристика такой любви. Она сварлива, никому не подчиняется, но любовь къ сыну можетъ ее подвигнуть на униженіе, подличанье передъ Стародумомъ; въ ея глазахъ имѣютъ значеніе однѣ физическія силы и богатство; все остальное—тлѣнь. Умъ и сердце ея безпрестанно заняты копленіемъ денегъ для Митрофанушки, всякаго рода стяжаніями въ пользу его; она даже его учитъ, потому что говорить, будто ученье начинается приносить пользу молодымъ людямъ; но въ дѣйствительную пользу ученія она вислоько не вѣритъ и потому соблюдаетъ одинъ внѣшній обрядъ ученія. Она говоритъ Вральману: „Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ, скажутъ—дуракъ. Умницъ то нынче завелось много; ихъ то я боюсь“. Она не только ихъ боится,

но они ей противны, она вѣрить Вральману больше, чѣмъ Кутейкину и Цыфиркину, потому что вѣдь у нѣмцевъ же рускіе учатся. „Мы“ (говоритъ Простакова) „въ Москвѣ приняли *иноземца* на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. *Подрядился* учить, чему мы хотимъ“. Кто не ученъ, того, значить, учили, по словамъ Простаковой, какъ *красную двушку*. Мужъ въ ея глазахъ не имѣетъ никакой цѣны, потому что не дерется съ дворней. Это Простакова затаила мысль женить Митрофана на Софьѣ и для этого начинаетъ угождать Софьѣ, Стародуму, дурачить брата, Скотинина, котораго уважала за ростъ и дородство; а когда это не удалось, чуть не подралась съ сильнымъ соперникомъ, начинаетъ кокетничать Митрофанушкой, показывать его знанія передъ Стародумомъ. Однимъ словомъ, она вся оживилась и выказала свою гнусную натуру со всѣхъ сторонъ. Надежды оживляли ее; но вдругъ узнавъ, что Софья отдала руку свою Милону, она приходитъ въ ярость и для дорогого дѣтища своего готова на похищеніе Софьи; когда и это не удается, когда ее берутъ въ опеку, злоба ея не перекипѣла; она проситъ позволенія перебить слугъ и тогда уже покориться непріятной судьбинѣ; ей и въ этомъ отказываютъ; она съ отчаянія бросается въ объятія Митрофана, но и Митрофанъ, недовольный развязкой дѣла, которое затѣяла матушка, отталкиваетъ ее и говоритъ: „да отвяжись, матушка! какъ навязалась“... Что послѣ этого сдѣлалось съ Простаковой, говорить нечего: она вылилась вся. Идея автора выполнена. Митрофанъ есть то лицо, которое составляло задушевную тревогу ея жизни; это пружина всѣхъ ея дѣйствій. Фонъ-Визинъ выбралъ жевитьбу Митрофана, какъ лучшее средство показать натуру Простаковой, и въ этомъ случаѣ поступилъ удачно, потому что это былъ дѣйствительно тотъ пунктъ, отъ соприкосновенія съ которымъ вся природа Простаковой освѣщалась яркимъ пламенемъ. Это вѣрная черта изъ жизни Простаковой; это была та нѣжная струна ея сердца, которую стоило затронуть, чтобы заговорило ея ретивое. Фонъ-Визинъ ее за-

тронуть, и Простакова выпла живымъ лицомъ. Отъ этого въ „Недоросль“ вы видите сцены мастерски-отдѣланныя, въ которыхъ дѣйствуетъ Простакова; напр. сцена съ мамой Еремѣвной, сцена со Стародумомъ, когда ей не удалось увести Софью.

Между тѣмъ какъ „Бригадиръ“ ни по дѣйствию, ни по характерамъ не есть комедія, скорѣе, это сатира на общество, слѣдовательно, произведеніе не художественное — „Недоросль“ — по одному своему лицу, Простаковой, и по идеѣ, которая ее одушевляетъ, заключаетъ въ себѣ начатки комизма, поглощеннаго сатирическимъ направлениемъ пьесы и остальныхъ характеровъ. Между тѣмъ, герои Фонъ-Визина: Простакова, Бригадирша, Скотининъ, Недоросль въ свое время надѣлали столько же шума, сколько Фамусовъ, Скалозубъ, Репетиловъ и другіе герои Грибоѣдова. Спрашивается: отчего же? Оттого, что Фонъ-Визинъ первый показалъ рѣзкіе недостатки современниковъ: подъ сатирой публика разсмотрѣла себя. Въ то время, когда Сумароковъ „для своихъ смотрителей“, т. е. для публики, выводилъ на сцену героевъ Вольтера, Расина и Мольера и просилъ законовъ вдохновенія у Буало: *„скажи мнѣ Боало, свои въ сатирахъ правы, которыми въ стихахъ ты чистилъ рубы нравы!“* въ то время, когда онъ, за недостаткомъ публичнаго одобренія, самъ себя хвалилъ и называлъ себя русскимъ г-мъ Вольтеромъ, въ то время смиренно появился молодой человѣкъ съ первой русской сатирой, „Бригадиромъ“. Блистательный пріемъ, сдѣланный этой сатирѣ, доказываетъ, что запоздалые и тяжелые переводы французскихъ трагедій и комедій не удовлетворяли высшаго общества, которое хотѣло отечественной драмы.

Успѣху Фонъ-Визина много содѣйствовалъ и языкъ его комедій — языкъ чистый, взятый прямо изъ жизни, вмѣстѣ съ элементами характеровъ. Языкъ Простаковой не только чистый русскій, но даже художественный языкъ; есть сцены, въ которыхъ Скотининъ говоритъ языкомъ искусно отдѣланнымъ. Языкъ Фонъ-Визина не только правиленъ, чистъ, но даже въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ художественъ, напр. въ Простаковой, Скотининѣ, Еремѣевѣ, Тришкѣ... Словомъ, герои Фонъ-Визина говорили живымъ языкомъ; Фонъ-Визинъ ушелъ даже отъ федулы ученія Буало относительно изысканной изящности: Буало училъ *мило* острить, *мило* смѣшнить высшее общество, чтобъ въ острогахъ не было грязи, чтобъ комедія была острая болтовня, чтобъ она не оскорбляла тонкаго чувства изысканныхъ маркизовъ, которые иногда удостоивали писателей своимъ привѣтствіемъ. Извѣстно, въ какомъ затрудненіи былъ Буало, похвалившій языкъ Гомера, когда Расинъ спросилъ у него, изящно ли слѣдующее выраженіе, взятое изъ Одиссеи: „увидя Телемака, собака Энея не лаяла, но только махала хвостомъ,“ — потому что большая часть словъ, употребленныхъ Гомеромъ: „собака“, „хвостъ“, „лаять“ — низки и грязны, а низкія слова уничтожаютъ выразительность картины. Нужно было доказывать, что слова: „собака“, „осель“ и пр. не имѣютъ въ себѣ ничего ни благороднаго, ни не-благороднаго, точно такъ же, какъ и слова: „лошадь“, „овца“, „олень“... Отъ этого то у насъ Сумароковъ и Третьяковскій такъ сильно спорили, кто изъ нихъ употребляетъ „подлыя“¹⁾ слова и кто не употребляетъ. И вдругъ, о ужасъ! Фонъ-Визинъ выступилъ со своими героями, которые совсѣмъ не знали изысканности и заговорили общеупотребительнымъ, увѣсистымъ нарѣчіемъ,—и передъ кѣмъ же они заговорили? Передъ дворомъ императрицы Екатерины, передъ вельможами, говорившими по французски, читавшими Вольтера, Руссо, Дидро передъ вельможами въ золотыхъ кафтанахъ, изъ которыхъ каждый „не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ“. И эти вельможи осыпаютъ Фонъ-Визина похвалами, а Потемкинъ, выходя изъ перваго представленія „Недоросля“, говоритъ автору: „умри, Денисъ, лучше ничего не напишешь!“

Комедіи Фонъ-Визина — *подкія* сатиры; онѣ совсѣмъ не

¹⁾ Слово „подлый“ прежде значило—происходящій изъ простого недворянскаго сословія. Поэтому „подлыми словами“ вазывались тѣ, которыя употреблялись въ повседневномъ разговорѣ и, притомъ, людьми низшаго класса.

такія веселенькія произведенія, какъ бы, можетъ быть, хотѣлось современникамъ; сатиры эти, по своему содержанию, имѣютъ и до настоящаго времени значеніе историческое. Всѣ онѣ направлены противъ того же зла,—противъ невѣжества, и грубости. Екатерина II и правительство усердно дѣйствовали противъ этого зла; но то было дѣйствіе положительное—провозглашеніе новыхъ понятій и идей. Фонъ-Визинъ дѣйствовалъ отрицательно, осмѣяніемъ недостатковъ сатирой — противъ того же зла. Его комедіи въ художественномъ отношеніи не комедіи: онѣ сатиры; но элементы, вызвавшіе эту сатиру, тѣ же, которые заставляли правительство дѣйствовать положительно—смѣсь внѣшней образованности и нравственнаго невѣжества, въ которомъ коснѣлъ народъ. И вотъ эту-то смѣсь недостатковъ вы чувствуете, когда прочтете „Недоросля“ и „Бригадира“; вы понимаете, что такое было дворянство средней руки вѣка Екатерины, чтó за смѣсь гордости, ничтожества, косности была заключена въ этомъ классѣ народа, который нужно было преобразовать, облагородить, внушить ему чувство долга общественнаго и первыя понятія о значеніи его въ государствѣ, чтобъ заставить его дѣйствовать на другіе классы. Эти черты разбросаны въ герояхъ Фонъ-Визина часто безъ художественной отдѣлки; но онѣ воспроизводятъ передъ вашимъ воображеніемъ эпоху. Много сторонъ, правда, упущено авторомъ изъ той жизни, въ которой сталкивались начала, провозглашенныя императрицею, съ понятіями тогдашняго общества; цѣлый высшій классъ ушелъ отъ сатиры Фонъ-Визина,—и въ этомъ классѣ было много комическаго; но за то тѣ стороны, которыя воспроизведены, даютъ понятіе объ обществѣ. Еслибъ комедіи Фонъ-Визина были дѣйствительными комедіями, мы бы лучше видѣли передъ собою то время. Вотъ почему Фонъ-Визинъ, если не первый (по времени) нашъ народный комикъ, то по крайней мѣрѣ, первый народный сатирикъ. Даже въ томъ, что ему такъ сильно сочувствовало общество, заключаетъ доказательство близкаго родства героевъ его съ публикою.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

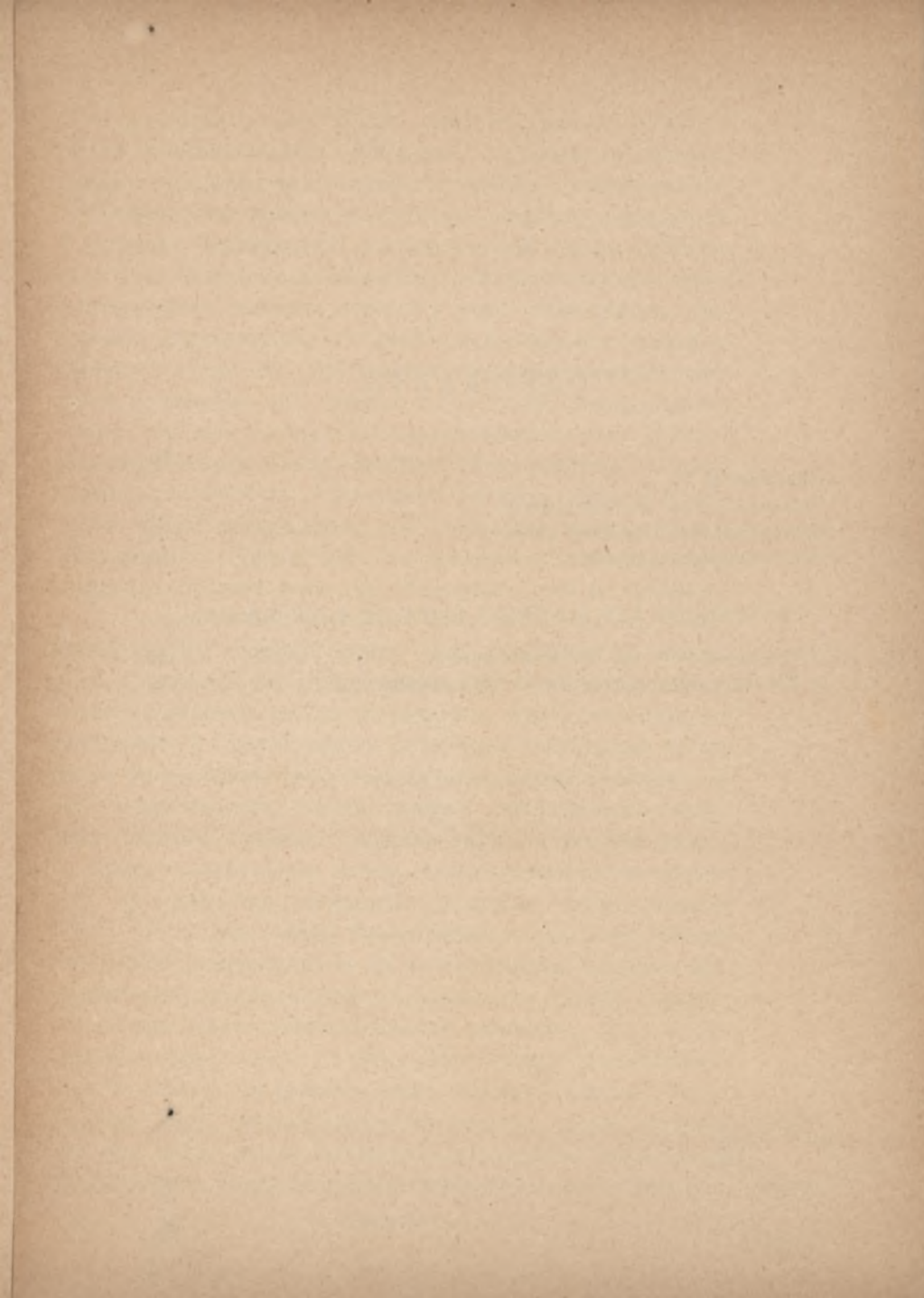

	СТР.
Предисловіе	I
Недоросль, ком. въ 5-ти дѣйств.	1
Бригадиръ, ком. въ 5-ти дѣйств.	74
Чистосердечныя призванія	129

МАТЕРІАЛЫ ДЛ Я ИЗУЧЕНІ Я КОМЕДІ Й ФОНЪ-ВИЗИНА.

1) Недоросль, ст. кн. П. Вяземскаго	145
2) Значеніе «Недоросля», ст. С. Дудышкина.	150

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

И. ГЛАЗУНОВА

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ,

ПРОДАЮТСЯ И РАНѢЕ ВЫШЕДШІЕ ВЫПУСКИ

РУССКОЙ КЛАССНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

~~~~~

Вып. I-й. Слово о полку Игоря. Текстъ памятника съ примѣчаніями, прозаическій и поэтическій его переводы, матеріалы для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Ц. 30 к.

Вып. II-й. Домострой Сильвестровскаго извода. Текстъ памятника съ примѣчаніями, матеріалы для сравнительнаго изученія (образцы Домостроевъ: Ксенофонта и 3-хъ западно-европейскихъ), объяснительныя статьи и словарь. Ц. 45 к.

Вып. III-й. Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи. Тексты басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, Измайлова, Сумарокова, В. Майкова, Тредьяковскаго и др. въ пяти группахъ, сравнительно съ русскими народными сказками и пословицами, баснями Эзопа, Лафонтена и др., примѣчанія, объяснительныя статьи. Ц. 40 к.

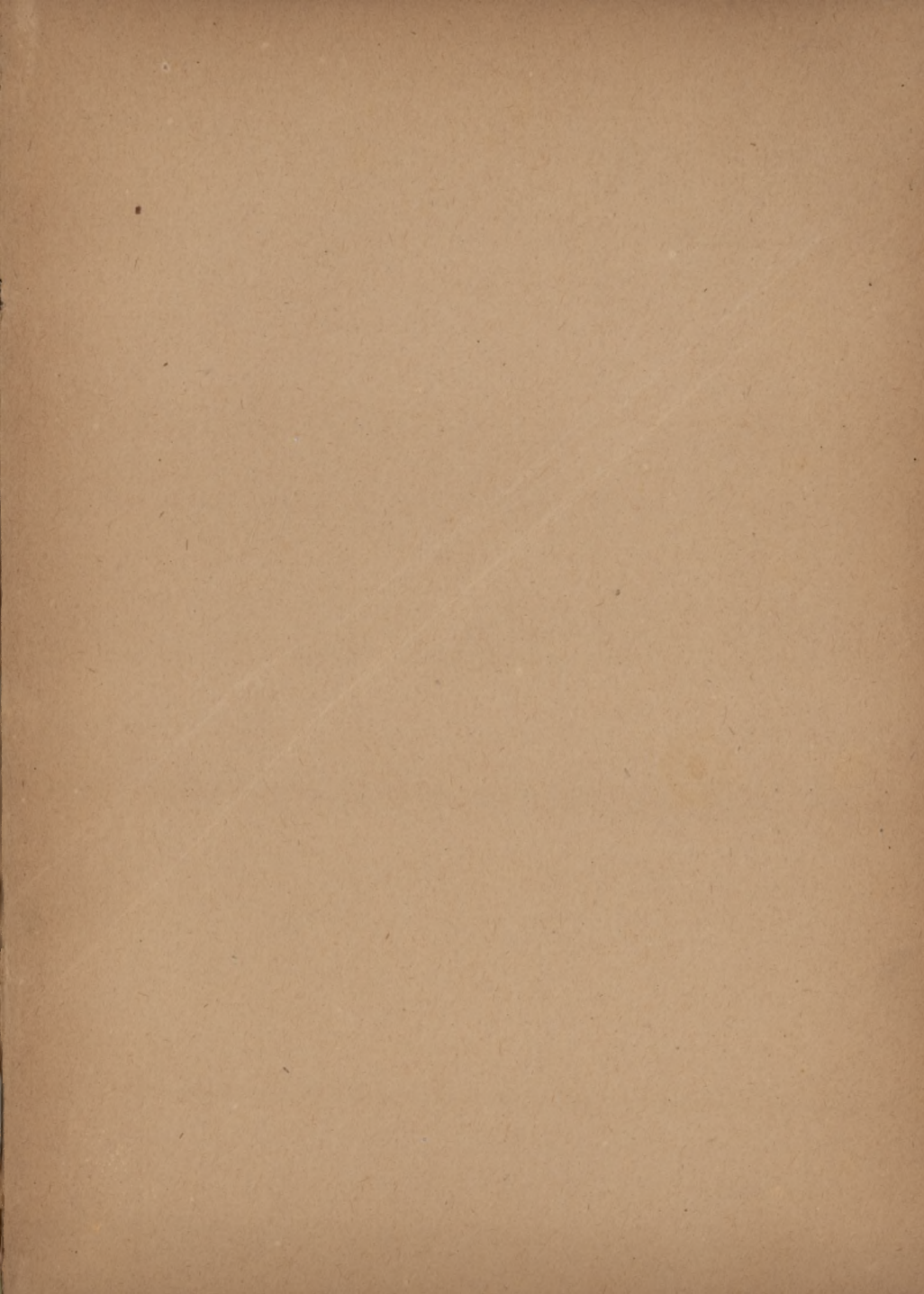
Вып. IV-й. Григорій Богошихинъ. Текстъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, гл. I, II и XIII, съ примѣчаніями, исторія памятника, біографія автора. Ц. 30 к.

Вып. V-й. Баллады В. А. Жуковскаго. Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Ц. 65 к.

Вып. VI-й. А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критическіе отзывы Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго, „Миліонъ терзаній“, критич. этюдъ И. А. Гончарова. Ц. 45 к.

Biblioteka WSP Kielce

0162433